

БЛИЗНЯШКИ

от бывшего мужа

ВИКТОРИЯ ВЕСТИЧ

Виктория Вестич

Близняшки от бывшего мужа

<https://litres.ru/74690347>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Мы расстались с тобой меньше двух лет назад, а близнецам сколько? Год, верно? И ты говоришь, что это не мои дети?!

— Не твои, — вру я, гордо задрав подбородок, — Я встретила другого мужчину и...

Он нависает надо мной, рычит грозно:

— Не шути со мной, Снежа.

— Мы давно расстались, ты сам этого захотел! Ты больше не мой муж, что еще тебе от меня нужно? - не выдержав, кричу я, упираясь руками в широкие плечи.

— Мы не развелись, так что официально я все ещё остаюсь твоим законным мужем, - цедит он холодно и добивает: — С сегодняшнего дня вы вместе с детьми переезжаете ко мне. Иначе я отберу их — у меня достаточно для этого денег и связей. Пакуй вещи. Ты возвращаешься домой к любимому мужу.

Он изменил мне с моей же родной сестрой, предал, вывернув душу, и я сбежала, так и не сказав, что ношу под сердцем его детей. Два года я пряталась, но одна случайная встреча перевернула всё с ног на голову. Он грозит отобрать малышей, разрушить мою жизнь и теперь мне некуда бежать

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	79
Глава 11	93
Глава 12	105
Глава 13	112
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Виктория Вестич

Близняшки от бывшего мужа

Глава 1

- Девушка, давайте я помогу, - рядом со мной появляется пожилой мужчина и помогает выгрузить из поезда двойную коляску, в которой сопят крошки-близняшки. Единственное различие в них – цвета зимних комбинезончиков: синий и розовый. В остальном они просто идентичные копии друг друга.

- Спасибо большое! – от души благодарю я незнакомца, когда он еще и грузную спортивную сумку, до верха набитую необходимыми малышам вещами, вытаскивает и ставит рядом. Моей одежды в ней почти нет – я приехала в родной город к маме в гости, а у нее осталась куча вещей, что при переезде я не забрала с собой. После родов фигура моя особо не изменилась, так что я решила, что просто буду носить то, что всё это время лежало без дела.

- Может вам помочь донести куда-то нужно? – спрашивает седовласый мужчина, пытая от натуги, но я только отмываюсь. И так видно, как ему тяжело.

- Что вы, не стоит. Меня сейчас встретят. Спасибо огромное!

Стоит только это сказать, как я уже вижу свою подругу – она бежит со всех ног, причем на каблуках! По такому-то гололеду и снежной каше! На улице совсем ранняя весна, повсюду мешанина из грязи и снега, а на ней сапоги с десятисантиметровыми каблуками. Вот же отчаянная!

- Боже! – отдувается Ира, останавливаясь возле меня и сгибаясь пополам. - Подожди, дай отдышаться. Прости, бежала со всех ног и все равно опоздала!

Она жадно глотает воздух, а я отмахиваюсь:

- Да ничего, мне тут помогли. Мы, можно сказать, только вот приехали.

Мы обмениваемся короткими объятиями. Подруга подхватывает спортивную сумку и чертыхается:

- Твою же! Ты как такая миниатюрная тяжести такие таскать умудряешься?

- Выбора нет, - приподнимаю я уголки губ в улыбке. – Пошли?

Подруга кивает и мы вместе направляемся к стоянке такси.

- А ты что, не нашла себе до сих пор никого?

- Да кому я нужна с двумя детьми, - хмыкаю я, - да и, если честно, я и не искала. Никто мне не нужен. Сама справляюсь. Для меня дети на первом месте.

- Ну да, ну да, - скептически качает головой Ира, бро-

сая долгий изучающий взгляд на сладко сопящих малышей. – Что ни говори, но мужик все равно в семье необходим. Полку прибить там, в постели согреть. Надежное плечо всем нужно, как ни крути.

Я неопределенно повожу плечами, не собираясь поддерживать этот разговор.

- А детишки-то – копия Исаев, - замечает подруга как бы невзначай и ее внимательный взгляд уже останавливается на мне. Боковым зрением замечаю, как она пытливо вглядывается в мое лицо, пытаюсь считать реакцию на слова.

- Не понимаю, о чем ты, - я будто надеваю непроницаемую маску, ни один мускул не дергается, даже бровью не веду. Но внутри проходит целая буря.

Слышать фамилию бывшего мужа до сих пор больно. Хотя это и неудивительно. Мы расстались почти два года назад, из которых девять месяцев я носила под сердцем его детей. Поневоле будет больно, когда частичка любимого мужчины постоянно с тобой. Да и Ира права – близняшки так сильно похожи на Исаева, что у меня иногда сердце екает при взгляде на них. Казалось бы, такие малыши еще, что там может быть похожего? Но нет, общие черты есть, и они такие явные, что мурашки по коже бегут. Лерочка еще и характером на папу очень походит, да и Максим не уступает. Он, когда хмурит бровки, вообще становится вылитым отцом.

- Ой, ну подруга, мне-то можешь не заливать! Оба ребенка на Исаева как две капли воды похожи, всё же ясно, как день.

- У них другой отец, - холодно отрезаю я.

- Ага, конечно, - не сдается подруга. – И кто тогда? Почему имя его не говоришь? За все время даже словечком о нем не обмолвилась!

- Потому что оно никого не касается! Я просто хотела детей. Мы встретились один раз, переспали и разбежались. Всё. Давай закроем эту тему.

Подруга недовольно поджимает губы, но она может обижаться сколько угодно. Правды я все равно никому не скажу. Конечно, ни с кем я не встречалась и не спала. Мужу я вообще никогда не изменяла. В отличие от него самого...

Как сейчас помню тот день. Я, со справкой в руке, бегу домой, не чувствуя под собой земли. От новости, что я наконец забеременела, что в моем животе долгожданный желанный малыш летать хочется. И не один, сразу два! Как будто Господь решил смилостивиться надо мной после стольких неудачных попыток ЭКО. Подарил сразу два чуда за все мои выплаканные слезы и бессонные ночи.

Эту беременность и правда иначе как даром назвать нельзя. Врожденные особенности строения матки, проблемы в женской сфере – когда врач сказал, что забеременеть будет почти невозможно, я прорыдала всю ночь. Богдан тогда был рядом, помогал, поддерживал. Обещал, что мы все пройдем вместе, что у нас будут дети. И он правда тратился основательно. Витамины, таблетки, постоянные обследования – я за здоровьем следила так тщательно, что, наверное, даже в

космос бы полететь могла. Но не получались детки и все, хоть в лепешку разбейся.

Шесть лет брака и тут как гром среди ясного неба – задержка. Я когда тест на беременность покупала, выглядела, как шальная. На меня продавщица косилась все время, думала, наверное, что я приняла что-то запрещенное, а я просто чуть с ума от счастья не сходила. Как удержалась и не сказала Исаеву тогда новость – сама не знаю. Он был в командировке, наверное, только это помогло секрет втайне удержать. Решила, что к врачу схожу и в день нашей долгожданной встречи сюрприз сделаю.

Сделала. Дверь в квартиру открыла, а там уже чемоданы на пороге. Приехал! Я уже ощущала эту радость от встречи, представляла сильные руки на талии, его горячую кожу под своими пальцами... простое женское счастье. Было, пока я дверь в спальню не распахнула.

Потом как удах под дых. Я даже дышать не могла несколько секунд. Так и стояла, застыв изваянием, вцепившись пальцами до побелевших костяшек в дверной косяк.

Они меня даже не заметили. Оба спали сладким сном друг у друга в объятиях. Моя младшая сестренка Лиза, абсолютно голая, и любимый единственный муж, с которым мы клялись и в горе, и в радости. Он лежал на животе, уткнувшись носом в красиво разметавшиеся золотистые волосы, ладонью поперек живота перехватывал, к себе прижимая. Любимая поза... он меня всегда так обнимал по ночам...

Бедняжка Исаев, так устал с дороги и после постельных утех с моей младшей сестрой, что задремал, явно не ждал, что я так быстро вернусь... Я ведь предупреждала, что задержусь кое-где, вернусь к пяти, а он в три уже дома должен был быть. Не стала говорить, что на УЗИ иду, он и расслабился с любовницей... тоже сюрприз сделал, постарался.

От горечи во рту затошнило, я не могла больше этого видеть, сердце словно выкручивало тисками, но я стояла и смотрела из темноты коридора на эту сцену. Просто не могла уйти, ноги не слушались. Ни живая, ни мертвая, как будто не существует меня. А потом Лиза заворочалась, зашептала тихонько на ухо Богдану что-то. До меня лишь обрывок фразы донесся, о том, что, мол, пора вставать, скоро твоя благоверная вернется.

И взгляд на меня бросила. Знала, заметила, что я в дверях спальни стою.

Меня тогда будто к полу прибило. Словно навалилась огромная бетонная плита на плечи, вдавила в землю, не давая даже глоточка воздуха сделать, настолько легкие жгло. Я даже не помню толком, как из квартиры вышла. Помню, что стало мерзко от того, насколько же эта ситуация до тошнотворного банальная, как в каком-то фильме дешевом. Я-то думала, что с нами такого никогда не случится, что мы с Богданом та самая пара, которая до гробовой доски вместе. Пока один отстреливается, второй патроны подает... Затошнило даже, как только представила сцену, где я вхожу в ком-

нату, как Исаев лепечет нелепые оправдания о том, что я не так все подумала, а младшая сестренка делает вид, что ей стыдно.

И я ушла. Не стала никаких сцен устраивать, просто вышла тихонько из квартиры и дверь за собой прикрыла. Шла по улице и земли под ногами не чувствовала. В кармане куртки только фото с аппарата УЗИ сжимала и себе поклялась – не прощу. Никогда. И про детей никогда не скажу. Только мои они и ничьи больше!

Не знаю, как я жила после этого. Скорее существовала. После двойного предательства только ради детей и держалась. Паршивее всего, что Исаев делал вид, что ничего не произошло, караулил меня у дома мамы, пытался «поговорить». Не понимал, по его словам, почему я вдруг ушла.

Выяснять отношения я не собиралась, слушать оправдания предателя тоже. Я и так была на грани и редела днями и ночами, мне даже угрозу выкидыша поставили. Не хотелось снова окунаться в эту грязь, слушать дурацкие оправдания или просьбы простить. Все равно бы не простила. Просто бы не смогла – перед глазами все время маячила картина сладкой парочки, что обнималась, лежа на простынях, которые я выбирала. И детьми рисковать я тоже не могла. Выбрала их, а не предателя-мужа.

Я просто оборвала все связи, разом. Собрала вещи, по телефону сказала Исаеву, что ухожу от него и что полюбила другого. Уверена, ему было плевать. Через Иру я узнала, что

Лизка к нему сразу после моего отъезда переехала и взялась за ремонт. Квартира принадлежала Богдану с самого начала, но я все равно... где-то в глубине души я все еще считала ее своим домом. Тогда эта новость меня подкосила сильно. Я как будто осознала, что всё, мосты сожжены. Нет больше нашей семьи. И я просто уехала. Сбежала в небольшой городок на другом конце страны и постаралась научиться жить и дышать заново. Без него.

Дети спасали, да и беременность была сложная. Почти все время я провела в больнице: из-за отрицательного резус-фактора постоянно оставалась угроза прерывания. И Ис-аев с Лизой и их общим предательством отошли на второй план. На первом месте для меня были мои малыши, они же на нем всегда и останутся. Два моих чуда. Мои маленькие антидепрессанты, вытащившие меня из ямы.

- Давай здесь срежем, такси от главного здания проще заказать, не придется тащиться до остановки. А то тут стоянка запрещена, - предлагает Ира, хватая сумку обеими руками.

Я вижу, как ей тяжело, и хочу было предложить помощь, взяться за одну из ручек сумки и тащить ее вместе, но тут колесо коляски, как назло, вязнет в снежной каше и я, поскользнувшись, невольно по инерции толкаю ее с тротуара прямо в бампер новенького внедорожника!

Сердце обрывается. Я так перепугалась за детей, что даже не подумала о том, что со мной владелец этой самой машины сделает. Чуть оттащив коляску, я тут же склоняюсь над

ней, заглядываю внутрь, отгибая одеялко, и только облегченно выдыхаю – малыши в порядке! – как рядом слышится до боли знакомый голос:

- Снежана?

Сердце обрывается куда-то вниз от нехорошего предчувствия. Я поднимаю голову, безошибочно узнавая мужчину по бархатым низким ноткам, но все еще надеясь, что это всего лишь совпадение и я ошиблась. Пожалуйста, пусть это будет всего лишь галлюцинация!

Но я встречаюсь взглядами и тону в чужих темных глазах, пока в ушах барабанит сбивчивый ритм сердца, окончательно оглушая.

Ошибки быть не может – это мой бывший муж.

Глава 2

Предатель, которого я даже во сне не хотела бы видеть, возвышается прямо передо мной. Я уничтожаю его долгим пылающим взглядом, Исаев отвечает мне тем же. Раньше он смотрел на меня иначе – бывало, что от одного только долгого взгляда я вспыхивала, никаких ласк не было нужно. Но любовь прошла, как это бывает, и осталась только ненависть. Обоюдная и всепоглощающая.

Я стискиваю пальцы на ручке коляски и ценой титанических усилий заставляю себя отвести взгляд. Богдан почти не изменился, да и с чего бы? Это у меня жизнь рухнула, я начинала с нуля и без копейки в кармане, а он так и остался при бизнесе и при деньгах. Я на них и не претендовала, но сейчас особенно остро была видна разница между нами – на Исаеве дорогое пальто, пошитое в именитом ателье города, а на мне обычная стеганая куртка на синтепоне. Он такой холеный, широкоплечий, сильный, как будто олицетворение своих связи и денег, и я – замухрышка из мелкого городка, которая едва наскребла на билеты до столицы.

Взгляд цепляется за царапину на машине, оставленную металлической ножкой коляски, и желудок подводит. Судя по открытой водительской двери и тому, как быстро материализовался Богдан рядом, внедорожник ему и принадлежит. И мне не по себе от суммы ущерба, которую я только

что бывшему мужу причинила. Тот ведь вполне может специально счет побольше предъявить, за прошлые-то обиды.

Ирина позади меня покашливает, прерывая затянувшееся неловкое молчание. Вздвогнув, я вскидываю снова глаза на Исаева и только собираюсь пообещать, что оплачу ему ремонт, но он перебивает:

- Детей завела?

Его взгляд не сходит с коляски и я, сглотнув, на автомате дергаю ее на себя. Нельзя, чтобы бывший муж их увидел.

«Не твое дело!» - хочется отрезать мне, но вместо этого я вздергиваю подбородок выше.

- Завела.

Малыши ворочаются, Лерочка начинает хныкать. Жадный взгляд Исаева сразу перемещается ниже и я мысленно благодарю всех богов за то, что успела откатить коляску чуть дальше. Сейчас он не сможет увидеть их мордашек. Надо уходить, тем более Леру нужно успокоить, но Богдан не отпускает.

- А папаша где? Что, не мог жену с детьми сам привезти, заставил тащиться с такой тяжестью одной? – голос насмешливый, как и взгляд. Сканирует им меня внимательно, на безымянном пальце глаза задерживает. Да только это все равно ему никак не поможет – даже когда мы в браке были, мне обручальное колечко часто приходилось снимать из-за того, что к утру, бывало, отекали пальцы.

- Не твое дело, - отрезаю. Не собираюсь вообще с бывшим

мужем ни о чем любезничать. Пусть все сколько угодно твердят, что расставаться нужно без обид и оставаться друзьями, но это точно не для меня. Таких умников, наверное, никогда беременными не предавали.

- Хамишь, Снежик, - уголок губ вздергивается в легкой усмешке. Знает, что нервничаю. Я когда себя не в своей тарелке чувствую, всегда немного резко общаюсь. Изучил меня за время брака от и до, подлец эдакий.

- Мне не до разговоров. Рада была повидаться, - сухо цезу я и вцепляюсь крепче в ручки коляски, чтобы вытащить ее и обойти огромный внедорожник Исаева. Вот любит же он такие здоровые неповоротливые машины, а ты мучайся, объезжай.

Как назло, колесики коляски вязнут в снежно-грязевой каше. Я нервно дергаю ручку, пытаюсь вывернуть так и эдак. Ира и помочь не может – и так еле сумку двумя руками держит. Зато Богдан, нагнувшись, легко приподнимает коляску и переставляет на тротуар.

Поджимаю губы. Вместо «спасибо» прожигаю его прямым взглядом. Глаза в глаза и мир на секунду останавливается. Раньше я дышать нормально не могла, сердце сбивалось с ритма, стоило Исаеву взглянуть на меня своими глазами цвета темного шоколада. Он всегда смотрел с такой любовью, обожанием, теплом. А потом предал. И как только совести хватает сейчас стоять и пялиться вот так открыто?

Ира рядом снова покашливает, привлекая внимание.

Сбросив с себя оцепенение, я увожу глаза в сторону.

- Подвезти? – голос Богдана низкий, с хрипотцой. Раньше от его легкой вибрации мурашки по коже разносились, но сейчас только большее становится. Как будто в меня нож воткнули, а теперь прокручивают в кровоточащей ране и наслаждаются моими страданиями.

- Да, было бы здорово, - с явным облегчением радуется Ира, вручая тяжелую сумку в руку моего бывшего мужа без каких-то сантиментов. – А то я сейчас скончаюсь эту тяжесть тащить.

Я одариваю ее неодобрительным взглядом, но подруга со страдальческим видом разводит руками. А Исаев уже сумку в багажник загружает! Стоило только отвернуться!

- Эй! – Возмущенно восклицаю я. – Вообще-то мы уже заказали такси, оно вот-вот приедет!

Никакие услуги от бывшего мужа мне не нужны. Лучше я пешком через весь город пройду, чем в машину этого предателя сяду! Но Богдан игнорирует мои слова начисто, будто я пустое место.

- Богдан! – Чувствую, что начинаю закипать. Ненавижу, когда он так делает. Точнее, делал. – Я же сказала, что нас не нужно подвозить!

- Детей бери и садись на заднее сиденье. – Безапелляционно отрезает он. – Такси отменишь. Деньги сэкономишь, раз дела не очень идут.

Да я сейчас взорвусь от его наглости! Ира легонько пихает

под локоть, возвращая в реальность, и выразительно на меня пялится. Еле удастся себя в руки взять. Лучше не пугать спящих детей криками и не радовать зевак драматической сценой. Не хватало еще нервный срыв схлопотать из-за этой сволочи.

Ладно. Пусть. Потерплю двадцать минут и разойдемся, как в море корабли!

Я подталкиваю коляску ближе к задней двери и стараюсь встать так, чтобы закрыть малышей собой. Исаев не должен их увидеть, но тот, как назло, не садится за руль, а ждет. Дверь мне открывает и наверняка хочет убрать коляску в багажник, когда я сяду. Я это прекрасно понимаю, но как же его присутствие нервирует!

Вручив Лерочку в руки Ире, я беру на руки Максима и разворачиваюсь к Богдану. Малыш, как назло, ворочается, просыпаясь, и поднимает голову от груди, сонно хлопает глазками и вдруг уставляется ими прямо на своего отца.

- Тя! – пищит громко.

На лице Исаева сменяется целая гамма эмоций. Его взгляд хаотично мечется то по личику Максима, то перебегает на нутро машины, где скрылась Ира с малышкой на руках. Секундное замешательство и растерянность испаряются без следа, когда взгляд Богдана останавливается на мне. Тяжелый, давящий, гнетущий настолько, что мне становится не по себе. Черт бы его побрал! Ну почему поезд не мог задержаться хотя бы на пять минут! Мы бы разминулись и больше

никогда не встретились.

- Кажется, нам надо очень серьезно поговорить, Снежана,
- цедит Исаев тоном, не сулящим ничего хорошего.

Глава 3

Всю дорогу в машине царит гнетущее молчание. Даже Ирина, моя подруга, которую Исаев давно лично знает, молчит, а не рассказывает последние горячие сплетни. Раньше, когда мы еще были женаты, она часто забегала и трещала без умолку за чашкой чая, а сейчас хоть бы слово сказала, чтобы атмосферу немного разрядить...

- Ой! – восклицает вдруг Ира, будто услышав мои молчаливые молитвы.

Встрепенувшись, я перевожу на нее полный надежды взгляд, но подруга, кажется, решает совсем меня добить.

- Совсем забыла! Мне же на работу надо, сменщицу подменить!

- Какая сменщица! – шиплю я вполголоса, - ты бухгалтером работаешь, Ира! Пять на два вот уже десять лет! А на сегодня ты вообще отгул взяла!

- Так я это... я подработку взяла. Важную! Край надо сегодня сдать. Ты уж извини. Но Богдан же поможет тебе, верно? Богдаш, поможешь ведь детишек донести? – и взгляд такой выразительный на Исаева кидает.

Тот встречается с ней глазами через зеркало заднего вида.

- Помогу, - цедит. – Как же не помочь бывшей жене. Не чужие же люди.

- Вот и ладненько! – радуется Ирка.

Я жгу ее взглядом, вскидываю брови и мотаю головой, подавая молчаливые знаки, пытаюсь показать, чтобы та ни в коем случае не смела уходить и бросать меня наедине с бывшим, который меня одним взглядом убить готов. Но Ира сгружает мне в руки еще и Леру, когда Исаев паркует свою махину у обочины, и упархивает из салона, словно на крыльях. Только и поминай, как звали.

- Все, побежала! Я потом позвоню, Снежан! – щебечет она и глазами сверкает. Довольна собой, наверное. Посводничала и рада.

А я вот ни черта не рада. К разговору с Исаевым я вообще не готова, вот совсем, и что мне делать даже не представляю. Стараюсь даже не смотреть в его сторону лишний раз, только губы кусаю и лихорадочно продумываю пути отступления. Да уж, такого я совсем не ожидала, когда к маме в гости ехала... Может при Ире Богдан бы сдержаннее был, ее присутствие хоть немного боевой дух поднимало, а теперь мне совсем не по себе.

Малыши тяжелые в комбинезонах, но, когда Исаев наконец паркуется у дома моей матери и, открыв мне дверь, протягивает руки, я упрямо прижимаю детей к себе. Как будто боюсь, что он их отнимет.

- Мне не нужна помощь, - отрезаю резко.

Богдан молчит, давит тяжелой аурой, пялясь на меня недобро исподлобья. Но я ему не уступаю, тоже исподлобья враждебно пялюсь, всем своим видом показывая, что не

уступлю. Дети – мое всё, я за них хоть с голыми руками на тигра напасть готова, лишь бы защитить своих крошек. Исаев не исключение, если нужно, я и с ним воевать готова, плевать на его деньги и положение.

- Ты одна не поднимешь их наверх. В доме твоей матери нет лифта, тебе подниматься на пятый этаж, - приводит Исаев неопровержимый аргумент.

Стискиваю зубы. Как хорошо он помнит об этом. Да и до рогу даже вбивать в навигатор не стал, ехал, как к себе домой. Хотя почему бы ему не помнить, если он с моей сестрой сейчас живет. Наверняка к маме в гости все так же катается...

Была бы моя воля, я бы на порог этого предателя не пустила, но одна я двоих детей на пятый этаж не подниму. Даже если попробовать затащить близняшек не на руках, а в коляске, у меня еще и тяжеленная сумка, что делает задачу просто непосильной. Если бы только мама была дома, но у нее работа и квартира сейчас абсолютно пуста. Единственная подруга, что могла мне помочь, сбежала, оставив наедине с изменщиком.

Я сверлю бывшего взглядом несколько долгих секунд, но выбора у меня нет. Сдавшись, выбираюсь из машины, перед этим аккуратно передав малышей бывшему мужу. Исаев, держа близняшек на руках, еще и ловко замки блокирует, а потом направляется к двери подъезда спокойно, словно двух пушинок несет. Мне приходится семенить следом, что-

бы поспевать за его широкими шагами.

- Коляска... - пишу я растерянно.

- Потом, - отрезает Богдан безапелляционно.

- Я могу взять Леру или Макса, а ты... - пытаюсь предложить я, но он лишь зыркает в мою сторону.

- Я не дам тебе тащить тяжести.

- Один ребенок не такой уж тяжелый, - вру я.

Для меня поднять малыша, экипированного в зимний комбинезон, и нести до пятого этажа будет той еще задачей. Это Исаев тут махина, спокойно прет, как танк, веса детей даже не ощущая. Уверена, он бы и меня смог наверх донести. В форме бывший муж нисколько не потерял, остался таким же сильным, даже как будто бы в плечах раздался. Снова в качалку ходит? Ради новой-то жены.

Хмыкаю себе под нос от этих мыслей.

- Снежик, - подгоняет Богдан, называя вдруг привычным прозвищем. – На кнопку нажми или так и будем стоять?

Опомнившись, я отмираю и достаю из сумочки ключи. Мама оставила и мне и Лизе по комплекту, чтобы мы могли приходить домой, когда захочется, так что сейчас я, разблокировав дверь, пропускаю Исаева. И иду следом.

Сердце ноет. «Снежик». Муж меня так постоянно ласково называл, еще с первого дня знакомства. Говорил, что это особое прозвище, только мое, потому что «Снег + ёжик – получается Снежик. Ты колючий снежный ежик, такая строгая, совсем к себе не подпускаешь». Слова Исаева всплывают в

памяти так невовремя, режут изнутри острыми лезвиями и без того израненное сердце. Я стараюсь сосредоточиться на каждой ступеньке, считаю их мысленно, поднимаясь вверх, чтобы отвлечься. Мы друг другу теперь совсем чужие и ничего эти дурацкие прозвища больше не значат.

Запихнув ноющее чувство поглубже, я делаю вид, что мне все безразлично. Отпираю дверь ключом и вхожу первой, чтобы разуться и детей сразу взять. Так и делаю. Я забираю из рук бывшего мужа сначала Лерочку, а потом и Макса.

- Спасибо. Можешь занести коляску и вещи и быть свободен, - сухо говорю я и разворачиваюсь, чтобы уйти.

- Думаешь, я действительно оставлю все вот так? Нет уж, милая, от разговора со мной ты не отвертишься.

- Мне нужно раздеть детей. Мне не до тебя и твоих разговоров. – Отрезаю холодно.

- Так займись делом, - ухмыляется Богдан и закрывает за собой входную дверь.

Обернувшись, я вижу, как тот неторопливо разувается и вешает пальто рядом с моей курточкой. Сверкнув глазами, ухожу в гостиную. Знаю, мне его не выгнать. Если бы даже захотела взашей вытолкать, то просто бы физически не смогла. Исаев гораздо сильнее меня, я на его фоне просто как маленькая птичка рядом с огромным цепным псом. Во всяком случае именно такой беспомощной и мелкой я себя и ощущаю.

Осторожно укладываю крошек на диван и стаскиваю с

них одежду. Детки не выспались, их растолкали в поезде, пока одевали, еще и посторонний шум мешал, так что теперь они хныкают негромко, но требовательно. Надо покормить и снова укачать, очевидно, что очень устали мои близняшки за дорогу.

- Мне нужна смесь. Она осталась в сумке, которую ты домой не занес, - выглянув на кухню и смерив Богдана быстрым взглядом, говорю я.

Бывший муж без лишних вопросов поднимается. Я провожаю его взглядом и, когда тот накидывает на себя пальто, в голове мелькает шальная мыслишка просто закрыться и совсем ему не открывать. Но ведь смеси... ладно еще одежда и памперсы, но я ведь из квартиры так просто не выйду, чтобы ее купить. Я же знаю Исаева, тот не отступится, пока свое не получит. Разговора не избежать, да и... надо все-таки поговорить. Переболело, назрело. Расставить все точки.

Так что приходится откинуть идею подальше и дожждаться Богдана с сумкой. Когда же он приносит ее и водружает на стол, то сначала внимательно следит, как я в ней копошусь, а потом – как принимаюсь готовить смесь.

- Не стой столбом, - огрызаюсь я. Такое пристальное внимание нервирует и очень сильно. – Присмотри за детьми. Я наложила там подушек, но они уже начали ходить и могут упасть. Их нельзя надолго одних оставлять.

Богдана будто дергает от этого замечания. Бросив на меня странный взгляд, он все же идет в комнату, а когда я прихо-

жу в гостиную с двумя теплыми бутылочками смеси, застаю настоящую идиллию. Двое моих крошек-разбойников, которые готовы были настоящую истерику устроить из-за того, что голодны и не выспались, сладко сопят на руках у отца. Исаев держит сразу обоих, малыши умещаются у него на одной руке, а второй он придерживает их, поглаживая по спинкам, и слегка покачивает, мурлыча под нос что-то успокаивающее.

Пальцы ослабевают и обе бутылочки с глухим стуком падают на пол. Длинный ворс ковра глушит звук удара, близнецы его не слышат, зато слышит их отец. Стоя вполоборота, он полосует меня ледяным взглядом, и я будто по-настоящему ощущаю, как мне вскрывают грудную клетку, настолько становится трудно дышать.

Он мне этого никогда не простит. Не простит, что не смог быть с детьми с самого рождения, ведь сам рос без отца. У Исаева вообще мало болевых точек, но эта – одна из. И сейчас я на нее очень-очень сильно надавила. Безжалостно и без сожаления, сама того не подозревая. Я не хотела отплачивать за то, что он меня предал, как бы сильно его ненавидела за измену. Но, выходит, все же сделала больно, а Богдан Исаев такого даже конкурентам не прощает.

И уж точно не простит бывшей жене.

Его темно-карие глаза обещают мне самые адские муки. И я верю, что он, в отличие от меня, за свою боль отплатит намеренно. И – сполна.

Глава 4

- Д-давай я уложу детей на кровать, - мой голос предательски дрожит, когда я все-таки отмираю и шагаю к Исаеву.

Тот отворачивается, не давая взять с рук детей, и сам идет в мою спальню. В девичестве мы делили ее с Лизой, но потом я съехала к мужу, а сестра перебралась на съемную квартиру, когда начала сама зарабатывать. Несмотря на это в комнате до сих пор стоят две узких кровати. Богдан бывал в гостях моей мамы, Ольги Константиновны, не один раз, так что сразу подходит к той, на которой спала я, и на которой мы с ним однажды занимались таким, о чем вспоминать стыдно, хотя она и казалась тесной для двоих.

Это было раньше, а сейчас мне приходится семенить следом за Исаевым, а потом по очереди укладывать малышей, пока тот возвышается надо мной грозной скалой, контролируя каждое движение. Но все-таки подушки приносит из гостиной, чтобы я обложила ими детей, и, когда бывший муж выходит, дышать становится немного легче.

- Я буду на кухне. Приходи, как закончишь, - голосом Богдана можно заморозить даже океан, настолько он ледяной.

Но я не тороплюсь. Знаю, что разговор ждет тяжелый, слишком, и, что хуже всего, я к нему не готова ни на один процент! Страшно даже предположить, что будет. Лишь в одном я уверена – как бы ни был зол Исаев, как бы не нена-

видел, руку на меня он не поднимет. Хотя бы об этом можно не беспокоиться. Наверное. Мы ведь не виделись два года и за это время все могло измениться. Люди меняются и их принципы тоже. Раньше, до свадьбы, Богдан тоже говорил, что измена любимой женщине для него неприемлема и он так не поступит никогда. Но, видимо, времена идут и любимые женщины появляются новые, а старым хранить верность уже не особо-то и нужно...

Собрав остатки сил в кулак, я выхожу на кухню и сталкиваюсь с бывшим мужем практически нос к носу. От неожиданности даже пячусь назад, но Исаев перехватывает мое запястье и втягивает внутрь, грубо дергает на себя. Дверь толкает ногой, отрезая возможный путь к побегу, и тут же нависает, втискивает в нее, давит своей аурой тяжелой, агрессивной.

- Детей, значит, скрыть от меня хотела? – рычит он низко, глухо, - Моих, кровных!

Вспыхиваю, как спичка. Руку вырываю и, пихнув бывшего мужа в плечи, отвоевываю себе частицу свободного пространства. Тот не ожидает отпора, отшатывается, и я тут же иду в наступление:

- Это не твои дети!

Очевидная глупая ложь, но что еще мне остается делать?

- Ты меня за дурака держишь? – скалится Богдан и снова наступает, пресекая попытку проскользнуть мимо него. – Мы расстались с тобой меньше двух лет назад, а близнецам

сколько? Год, верно? И ты говоришь, что это не мои дети?! Ты их видела?? Они же просто мои копии!

- Не твои, - вру я, гордо задрав подбородок, - Я встретила другого мужчину и...

Кулак Исаева влетает в стену рядом с моей головой, он настолько взвинчен и зол, что снова издает глухой рык. Я подаюсь назад, зажмуриваюсь и втягиваю голову в плечи. От страха внутри все мелко дрожит, но бежать мне некуда.

- Не шути со мной, Снежа, - предостерегающе советует Богдан севшим глухим голосом.

Я распахиваю глаза и всматриваюсь в лицо мужчины с глухой болью.

- Мы давно расстались, ты сам этого захотел! – не выдержав, восклицаю я, упираясь руками в плечи бывшего мужа, но на этот раз оттолкнуть его не получается.

- Я захотел? – переспрашивает вкрадчиво Богдан, - Да это ты сбежала от меня! Нашла какого-то мужика и свинтила, вещи даже не собрала. Наверняка он не знал, что ты уже от меня беременная. Покувыркались и бросил, когда понял, да? Поэтому одна?

Я дергаюсь, как от удара, и смотрю на Исаева во все глаза. Откуда у него еще наглости хватает, а? Сколько можно делать вид, будто ничего не произошло? Он ведь знает отлично, почему я ушла, с ним мама моя разговаривала, когда он сюда ездил, от моего имени просила в покое оставить и передала, что измену я не прощу. В груди выжигает от оби-

ды, словно кислотой плеснули, и меня будто под руку кто-то толкает – я размахиваюсь и всаживаю Богдану такую пощечину, что на несколько мгновений отнимается ладошка. Настолько кожа горит от силы удара.

- Не смей, понятно? – глухо цежу я.

Не ему говорить мне подобную грязь. Удобно, наверное, строить из себя жертву, что у тебя детей отняли, когда сам же буквально и подтолкнул к нашему разрыву. Сам разрушил нашу семью, а теперь еще и язык повернулся сказать подобное...

- А не то что? – в глазах Исаева вспыхивает нехороший огонек и он склоняется ниже, рывкает прямо в губы. – Почему не сметь, а, Снежик? Мы наконец за эти два года поговорить нормально можем! Так ты расскажи, как все было. Ты со своим мужиком встречалась в гостинице? Или прямо у нас в квартире, м? Я и подумать не мог, что ты к себе любовников водишь, такая ты вся белая и пушистая. Таскался, как идиот, по командировкам, думал, заработаю больше денег для своей благоверной. А моя благоверная в этот момент кувыркалась не пойми с кем.

- Хватит! – резко обрываю я, - Из нас двоих только ты подобной грязью занимался. Хоть бы какую-то постороннюю девку выбрал, но нет же... за спиной у меня, в нашей квартире, в нашей постели... плевать тебе на меня было, а сейчас еще мне что-то высказываешь? Я-то, дурочка, верила, что ты по командировкам едешь, а ты таскался за сестрой моей...

Пока я ждала верно, щи-борщи наваривала, терапию проходила и в больнице была, вы за спиной... – воздух кончается, я не могу договорить, замолкаю.

Подбородок дрожит, я сжимаю губы в тонкую линию, прожигая Богдана взглядом снизу вверх. Мне казалось, что я зализала раны, что смогла хоть немного, но оправиться от предательства. Ведь два года прошло, моя жизнь так сильно изменилась! Я сама поменялась, больше не кроткая робкая девочка. Но нет, стоило только встретиться, увидеть темно-карие глаза, почувствовать до боли знакомый и даже какой-то родной запах одеколона – и все. Размазало так, что вздохнуть нельзя. Только один вопрос остался: почему? За что он так со мной? Он же самым близким был.

Неужели так легко было перечеркнуть шесть лет брака? Хотя ему, наверное, все равно. Мужчины же полигамны, так говорят? Наверное для них нормально жить с одним человеком, а потом в один день привести в дом другую и в ус не дуть. И не болит ничего. А я вот не могу так! Может потому что я боль свою так и не прожила. Я ведь и не разговаривала о том, что случилось, ни с кем, маме запретила даже имя упоминать, не то что о ситуации говорить. Сосредоточилась на другом, за детей сильно переживала, все время мысли об этих двух предателях гнала. Если бы малышей потеряла от стресса и нервов – точно бы не смогла оправиться. Мне даже все равно было, что они от Богдана. Мои это дети – и точка, отца у них нет. Вообще чудо, что забеременеть смогла.

- Что молчишь? Нечего сказать? – спрашиваю хрипло. Слезы застыли в горле, его свело спазмом, так сильно я сдерживаюсь, чтобы не расплакаться. Нет уж, не перед ним. После того, как он растоптал меня – никогда.

Исаев смотрит в мои глаза молча, посеревший. Как будто маска на лице восковая.

- Что, не думал, что знаю, да? – догадываюсь я и усмехаюсь горько.

- Ты нас видела? Поэтому ушла? – глухо спрашивает он.

- Это неважно уже. Оставь нас в покое.

- Ответь, - требует он все тем же ровным безжизненным тоном.

- Я сказала: это уже неважно! Ты меня предал, точка. – Отрезаю холодно.

Снова пытаюсь отпихнуть бывшего мужа от себя, но сдвинуть с места эту махину не выходит, хотя я прикладываю все силы, кажется, что внутри скоро что-то лопнет от натуги. Но единственное, что лопается – это мое показное спокойствие.

- Отпусти меня! – срываюсь я, не выдержав, и снова держусь безуспешно, но хватка практически железная. – Слышишь, ты? Убирайся! Видеть тебя больше в этом доме не хочу, понятно? Никогда!

Богдан будто приходит в себя, сурово сводит брови на переносице, но все-таки отпускает, видя, что я на грани истерики.

- О-о, моя дорогая, - тихо рокошет вдруг Исаев, - поверь

мне, теперь тебе придется видеть меня гораздо чаще.

- Ты больше не мой муж, так что можешь катиться на все четыре стороны! – я толкаю его, потому что хоть мужчина и отпустил, я все еще остаюсь зажата в узком проходе между дверью и самим Богданом, - Пропусти, сказала же!

Но он игнорирует все мои попытки выбраться и хмыкает:

- Напомнить тебе, Снежик, раз память коротка? Мы с тобой официально так и не развелись, так что я все еще до сих пор официально считаюсь твоим мужем. А знаешь, что это значит? – он все-таки отходит на шаг и, засунув руки в карманы дорогих брюк, поводит плечами. – Дети, рожденные в браки, автоматически считаются моими. Я признаю это, получу все документы, и тогда ты больше не сможешь их от меня скрыть. Так что собирайся. С сегодняшнего дня ты вместе с детьми переезжаешь ко мне.

На секунду я даже замолкаю, оторопело глядя на возвышающегося передо мной мужчину.

- Что? Ты в своем уме вообще? Я никуда не поеду!

- Поедешь, - рыкает Исаев, снова давит своей аурой, заставляя испуганно замолкнуть. – Ты же в курсе, что я могу отобрать своих детей и воспитывать их сам?

Горло передавливает, словно на нее накинута удавка и теперь медленно и неумолимо стягивают петлю. И делает это сам Богдан, с каждым словом перекрывая все больше кислорода.

- Ты не посмеешь! – хриплю я и делаю еще одну попытку

солгать. – Это не твои дети, я же сказала!

- Прекрати ломать комедию. Мы оба знаем, чьи они, но я, так и быть, сделаю ДНК экспертизу, чтобы совать тебе эту бумажку под нос каждый раз, когда ты будешь пытаться придумывать очередные дурацкие оправдания. А заодно эта бумажка пригодится для того, чтобы оформить над детьми опеку!

- Никто не даст тебе никакую опеку! У них есть мать!

- Пачка банкнот с дядюшкой Сэмом и ты даже из их свидетельства о рождении исчезнешь. Ты этого хочешь? Ты вылетела из моего дома без копейки денег и думаешь, что сможешь победить? Боже, Снежик, ты все такая же наивная девочка, - закатывает глаза мужчина.

В груди будто дыру пробивают, во рту собирается горечь. Я с трудом сглатываю подступившие слезы. Не верю, что тот человек, которого я знала столько времени, который так долго меня добивался, способен на подобное. Хотя... чего еще ожидать от предателя?

- Ты! Я тебя ненавижу! Ненавижу, ты понял?! – все-таки срываюсь я, не сумев сдержать эмоции. Да и у кого бы это вышло, когда бывший муж, так легко тебя предавший, еще и угрожает детей отобрать?

- Взаимно, детка. Но раз уж здесь главный я, будь добра выполнять все, что тебе приказано. Иначе пожалеешь. – Во взгляде Исаева ни капли бывшего тепла, только ледяное безразличие. - Собирай вещи. И не вздумай выкидывать ника-

ких выкрутасов, поняла? Мои люди будут присматривать за тобой, так что не надо пытаться никуда сбежать или заниматься прочей ересью. Никто тебе не поможет.

Богдан открывает кухонную дверь и выходит в коридор, а я обнимаю себя за плечи, словно пытаюсь так защититься. Меня бьет озноб, но никакие объятия не спасают и не спасут. Мне только что вынесли приговор.

- И еще кое-что, - бросает он на ходу, - матери своей скажешь, что поживешь у подруги, что дети заболели и лучше вам пока не видеться. Чтобы ни одна живая душа не знала обо всем этом, поняла? Иначе пеняй на себя – нянчиться с тобой я не стану.

Он так легко бросается угрозами, но, что самое страшное, я в них очень даже верю. Раньше коллеги Богдана шутили, что он способен любого конкурента безжалостно под себя подмять, а теперь эта машина так же бездушно работает против меня. Любыми методами.

- Ты стал жестоким, Исаев, - совсем тихо, едва слышно говорю ему в спину, - ты никогда таким не был к близким. Даже бывшим близким...

- Ты, Снежик, внесла в это особый вклад. Так что теперь пожинай плоды, - хмыкает Богдан, бросив на меня взгляд вполоборота, - я пришлю за тобой своего человека, он поможет добраться и купит все, что нужно.

Входная дверь вскоре хлопает, оповещая о том, что Исаев ушел. Покачнувшись, я хватаюсь за краешек стола и стис-

киваю футболку в районе груди. Воздуха не хватает, перед глазами пульсирует темнота, разрастаясь и поглощая все вокруг. Я стараюсь дышать медленнее, чтобы не дать приступу панической атаки взять верх. Сейчас нельзя, нельзя, иначе я не смогу вовремя услышать малышей, когда они проснутся или вовсе перепугаю их.

Без сил сползаю вниз по стене. Он снова появился в моей жизни, чтобы все разрушить, только теперь еще и детей отнять угрожает. Забрать у меня последнее, что мне дорого, растоптать, унижить. Меньше всего я ожидала, что нож в спину мне воткнет человек, которому я доверяла даже больше, чем родной матери, но после измены он схватился за ручку и хочет его еще несколько раз провернуть. Уничтожить меня до конца.

Что теперь делать? Может уехать? Сбежать снова, пока никто не приехал, купить билет до ближайшего города или вообще сесть на попутку, чтобы отследить было сложнее?

В голове гулко отбивается ритм сердца, только повышая градус паники. Я ни за что и никому не дам отобрать моих детей.

Глава 5

Что мне делать? В полицию звонить не выход, Исаев уважаемый в городе человек, скандал замнет еще до того, как разгорится, всем неугодным рты деньгами позатыкает – он ведь напрямую об этом сказал. Можно было бы попробовать попросить помощи хоть у кого-нибудь из знакомых, но в моей записной книжке совсем не осталось номеров бывших друзей, там лишь мама да Ира... Если позвоню маме, Богдан узнает сразу, она ведь скандал поднимет... Мне нужно действовать скрытно, не злить лишний раз бывшего мужа. Он наверняка только повода ждет отнять малышей.

Я набираю подругу, но сухой голос сообщает, что абонент временно недоступен. «Мне нужна помощь. Богдан хочет отобрать у меня детей», быстро печатаю я сообщение. Не знаю, на что я надеюсь, чем мне поможет Ира, много лет проработавшая обычным бухгалтером в фирме средней руки, но больше мне попросту не к кому обратиться.

Опомнившись, что время уходит, я вскакиваю на ноги. Нужно одеть малышей как можно скорее, взять деньги, оставить в спортивной сумке только самое нужное и бежать! Чтобы пока Богдан нас искал, я смогла спрятать свои сокровища еще лучше, и тогда черта с два он нас отыщет. Тогда его угрозы останутся просто словами! Никого он не сможет отнять, ничего не сможет сделать!

Я бросаюсь в комнату исполнять свой план. Да, может быть он где-то безумный, и, возможно, мне придется даже с мамой какое-то время не списываться, не говорить ей, где я. Но, по крайней мере, так я не буду сходить с ума от того, что бывший муж решил разрушить мою жизнь до самого кирпича, ничего не оставив!

Вещи из сумки летят на диван. Я оставляю самую малость – несколько одежек на смену, четыре памперса, смеси, документы и деньги. Туда же кладу вымытые бутылочки. Кажется, что кладу я всего ничего, но, когда застегиваю молнию и поднимаю сумку, примериваясь к весу, она все равно внушительно оттягивает руку. А ведь еще близняшки в комбинезонах будут на руках... но совсем без ничего я бежать не могу. Будь я одна – другое дело, а я ведь еще и за детей отвечаю.

Малышей я стараюсь одевать осторожно, чтобы не разбудить, но все равно слишком тороплюсь. Лерочка сладко посапывает, а вот Макс хныкает и приходится потратить еще пять минут, чтобы его успокоить. Но, в конце концов, мне удастся собрать детей. Теперь предстоит самое сложное: взять сумку, обоих детей сразу и донести их до такси. Зажмурившись на секунду, я выдыхаю, как перед погружением в ледяную воду.

Нет, Снежана. Отступать нельзя.

Вызвав такси, прячу телефон в карман. Спортивную сумку вешаю на плечо, благо ручки достаточно длинные и поз-

воляют это сделать. А вот с малышами уже сложнее. Подняв их, я выхожу на лестничную клетку и толкаю носком ботинка дверь. Приваливаюсь плечом, перенося вес, и пытаюсь вслепую попасть ключом в замочную скважину – не оставлять же мамину квартиру нараспашку.

Мысленно я чертыхаюсь. Наверное было бы проще, если бы мои маленькие кнопки не спали, можно было бы поставить их на ножки на несколько секунд. Но крохи сладко посапывают, даже не подозревая ни о чем – ни как их мама судорожно пытается закрыть дверь, ни как отец хочет их отобрать. Хочется расплакаться от бессилия. Я обвожу беспомощным взглядом лестничную клетку перед квартирой. Взгляд натывается на нашу коляску, удобно припаркованную у стены, так, чтобы никому не мешала, и я не верю собственному счастью!

Наверняка Богдан принес ее сюда, когда спускался за вещами для детей! И как же это кстати! Даже на секунду захотелось поблагодарить бывшего муженька за такую заботу – он буквально своими руками побег мне помогает организовывать.

Бросив бесполезные попытки, я шагаю к коляске и, склонившись, как могу аккуратно укладываю ребятишек в нее. Висящая на плече сумка мешает, постоянно сползая, приходится напрячься, но я успокаиваю себя тем, что скоро будет легче. Как только справляюсь с этим, запираю дверь и принимаюсь спускаться. Амортизация у коляски хорошая –

недаром я кругленькую сумму за нее выложила, откладывала на эту модель бережно каждую копеечку, так что малышей просто покачивает, будто в люльке, когда я со ступеньки на ступень перебираюсь.

Мне удастся пройти лишь половину пролета, прежде чем дорогу мне загораживает внезапный прохожий.

- Посторонитесь, пожалуйста, - сосредоточенная на колесах, прошу я, крепко вцепившись в ручки коляски. На таком пологом склоне управлять ей сложно и даже опасно – если коляска вырвется из рук... нет, не хочу даже думать.

Препятствие не исчезает и мне приходится поднять голову, чтобы возмутиться такому настырному местному жильцу. Но только я открываю рот, чтобы сказать, что никак не смогу убрать коляску в сторону, потому что стою посреди пролета, как тут же его захлопываю, стоит увидеть перед собой рослого бугая, шире меня раза в три. Даже несмотря на то, что я стою на несколько ступенек выше, тот кажется таким внушительным и высоким, что я теряюсь.

- Куда-то собрались, Снежана Олеговна? – притворно ласковым тоном вдруг спрашивает мужчина, преграждая мне путь вниз.

Где-то внутри еще теплится надежда, что это просто новый жилец, но умом я уже понимаю очевидное. Богдан прислал соглядатая и против него у меня шансов нет. Я бросаю обреченный взгляд вверх, на дверь квартиры. Даже если мне каким-то чудом удастся дернуться в ее сторону за долю се-

кунды и затащить вверх коляску, то, с замком я провожусь не меньше минуты – он у мамы клинит постоянно и вот уже третий год она все обещает вызвать мастера. Лифта попросту нет, да и если бы я каким-то чудом успела в него забежать, этот надзиратель просто бы встретил меня внизу.

- Богдан сказал, что вы зайдете за мной. И я вот... собралась, - лепечу я оправдание, понимая, что моя попытка побега провалилась с треском.

Амбал склоняет голову набок и, судя по его реакции, такую очевидную ложь раскусывает на раз-два.

- Верно, меня прислал Богдан Алексеевич, - кивает мужчина и сдержанно интересуется: - А где же вещи, Снежана Олеговна? Богдан Алексеевич сказал, что у вас с собой одна большая сумка, а ваша выглядит не такой уж и внушительной.

Я молчу, не зная, что ответить. Пытаюсь лихорадочно придумать хоть что-нибудь, но мой новый надсмотрщик просто кивает в сторону квартиры.

- Давайте вернемся и вы соберете все свои вещи, Снежана Олеговна, - тон мягкий, но настойчивый. Мужчина словно сразу дает понять, что он просто любезничает и никакой отказ не предполагается. Я должна просто подчиниться приказу.

Но сопротивляться я даже не пытаюсь. Опускаю плечи, теряя весь боевой запал. Действительно, нужно ведь забрать с собой всю оставшуюся в квартире одежду, да и свои вещи

взять. Как я буду без них? Я размышляю об этом отстраненно. Мозг из-за стресса будто отключает все переживания и эти мысли идут фоном.

Бугай протискивается ко мне, забирает коляску и без труда вкатывает назад на лестничную площадку. Я наблюдаю за ним со стороны и сердце сиротливо сжимается. Ну почему не у меня так много сил? Я бы просто дала хук справа, схватила бы малышей и никто бы меня не остановил. Никто бы даже не успел их у меня отнять.

Я отпираю квартиру, провозившись с замком добрых пять минут, пока мне на выручку не приходит этот самый мордоворот, которого Богдан приставил за мной следить. Входит следом за мной, вкатывает коляску и, прикрыв дверь, произносит:

- Не нужно раздевать детей. Просто соберите все необходимое и выдвигаемся.

Не ответив, я разуваясь и прохожу в гостиную, держа в руках спортивную сумку. Но теперь, помимо детских вещей, в нее отправляется и моя старая одежда, оставшаяся у мамы в квартире еще с девичества. Есть тут и одежда, которая не вошла в мой чемодан, когда я сбегала из этого города с раненым сердцем и детьми под ним. Я пытаюсь запихнуть в сумку все, что только под руку попадет, еле змейку закрыть получается. У меня от усердия даже лоб испариной покрывается. Выцветшие футболки, вечернее платье с выпускного – всё туда летит. Просто в отместку набиваю так,

что едва ткань по швам не трещит. Пусть этому прихвостню исаевскому тяжелее тащить будет. По-детски, может, но больше я ничего поделать не могу. Пока что, во всяком случае.

Но бугаю хоть бы хны. Он подхватывает сумку так, словно та ничего не весит, и исчезает за дверями квартиры. На секунду мелькает шальная мысль предпринять новую попытку побега, но я ее тут же отбрасываю. Бесполезно. С коляской я пока до нижнего этажа доберусь, рак на горе свистнет. Да и разминуться просто нереально, это же дом советской постройки, никаких аварийных выходов тут нет, а если и были когда-то, то все они заложены наглухо. Да и... побег с детьми на руках не вариант – далеко я так не уйду. Куда бежать без детских вещей, питания, документов и денег?..

Тяжело вздохнув, я опускаюсь на диван и запускаю пальцы в волосы. Неужели нет выхода? Мне действительно придется ехать под настоящим конвоем в квартиру Исаева и жить с ним под одной крышей? Такого мне и в кошмарах присниться не могло. Но главное другое. Главное – что мой бывший муж собирается делать дальше? Неужели он просто возьмет и отнимет у меня детей? Это слишком жестоко, даже для такого циника, как он. Помню, что всегда восхищалась, как Богдан руководил своим бизнесом, какой из него жесткий, но справедливый руководитель выходил. А теперь вот сама с такой стороной Исаева столкнулась...

Сердце сдавливает от нехорошего предчувствия, и я ма-

шинально тру ноющее плечо. Это будто мой личный сигнал, работает лучше любой интуиции. Если ноет плечо – жди беды.

- Готовы, Снежана Олеговна? – раздается внезапно над головой.

Я вздрагиваю всем телом и пронзаю незваного гостя взглядом, поджимаю губы. Хочется грубо послать его куда подальше, но я только молча встаю и киваю.

На этот раз малышей не приходится везти на руках – как только мы оказываемся возле еще одной копии внедорожника, мой надзиратель помогает усадить их в детские кресла. Причем пристегивает, а потом дергает несколько раз ремешки, проверяя надежность крепления. Исаев решил озаботиться безопасностью детей и так ответственно к этому подошел? Похвально, конечно.

Молча я сажусь на пассажирское место рядом с водителем, проверяю еще раз своих крошек. Те сопят сладко, кажется, и танком сейчас не разбудишь. Устали ехать в поезде все-таки, бедняжки мои. Им, конечно, интересно было, особенно сперва, когда все в новинку – я только и успевала сорванцов своих по вагону ловить, но потом они очень устали и все больше капризничали. Мы ехали несколько суток повидать наконец мою маму, что никак не могла вырваться со своей работы. Она работает терапевтом и сейчас, в сезон простуд, ну просто никак не могла вырваться. Она еще и на дополнительную подработку в платную клинику устроилась,

деньги копила, но так и не признавалась, на что именно, партизанка.

При мысли о маме я улыбнулась грустно. Ехала ведь малышат показать, а в итоге? Сама беду нашла на свою голову... надо было сидеть на месте и ничего бы не случилось. Правда, развод бы сам себя не оформил, но лучше бы я удаленно запрос подала. Кто же знал, что наш большой город внезапно окажется слишком тесным.

- Вы предупредили свою мать о том, что будете отсутствовать? – все таким же ровным безразличным тоном интересуется амбал, не отвлекаясь от дороги. Стоит мне только достать телефон, как он тут же угрожает: - Учтите, что ничего лишнего она узнать не должна. Богдан Алексеевич предупредил вас об этом? Никому из нас не нужны проблемы.

Я сцепляю крепче зубы и набираю маме сообщение, что останусь у Иры с детьми, пока те не отболеют.

- Покажите сообщение, - требует мужчина, когда я уже хочу убрать смартфон в карман.

- С какой это стати? – возмущаюсь я.

Бугай одаривает меня одним молчаливым взглядом, в котором отражается больше угрозы, чем в словах. Я поворачиваю дисплей с перепиской ему и раздраженно уточняю:

- Довольны?

Тот лишь склоняет голову в знак согласия и снова возвращает взгляд на дорогу. Я нервничаю еще больше, нервно кусая губы. Как хорошо, что он даже не потребовал посмотреть

переписку с кем-то еще – видимо, Богдан сказал ему, что уже меня запугал.

Глава 6

Маршрут, по которому меня везет приставленный Исаевым бугай, я не узнаю совсем и вскоре понимаю, что едем мы вообще в противоположную сторону от нашей старой квартиры. Дорогу до нее я знаю, как свои пять пальцев, к сожалению, с закрытыми бы глазами нашла. Значит, Богдан сменил место жительства? Хмыкаю тихо. Наверное, решил взять квартирку попросторнее – Лиза мне все уши прожужжала в свое время, что наша слишком маленькая, что нужно покупать просторнее. Просто, мол, советует. Насоветовала. Мужа моего увела, а теперь и свежей квартиркой обзавелась. Интерьер, наверное, тоже делали по вкусам моей любимой младшей сестренки? Она же вечно критиковала меня за то, какие я обои и краску для ремонта выбираю.

Невольно погружаюсь в болезненные воспоминания. Интересно, как долго Богдан изменял мне с моей сестрой? Что, если они за моей спиной встречались несколько лет? Дурили меня оба и за глаза обсуждали, какая я глупая и как легко меня обманывать. Я ведь и правда была как влюбленная дуручка, даже спустя шесть лет. Бежала встречать мужа с работы, ждала. Занималась бытом, а параллельно подрабатывала маркетологом удаленно. Мою зарплату с доходом мужа, конечно, было не сравнить, но Исаев никогда не попрекал меня деньгами и тем, что я из простой бедной семьи. Наоборот,

подарками задаривал, ухаживал красиво.

За моей сестрой тоже так ухлестывал, пока я не видела? Поэтому так часто на работе задерживался и в командировки ездил? А я-то, дуручка, верила. Даже плохого ничего не подумала, когда Лиза в гости напросилась, мол, давно не видела вас обоих, заеду проведу. Мужа моего провести хотела, пока меня нет... кто же знал, что она его в кровати «проводывать» будет.

Мне кажется, что я по памяти могу ту сцену воссоздать. Стоит только глаза закрыть и сразу перед ними наша спальня, залитая светом из окна... денек еще стоял такой погожий, солнце светило, еще больше настроение поднимая. Разворошенная кровать, темные простыни и два тела. Двое людей, которым я безоговорочно доверяла. Я, наверное, никогда это разъедающее жгучее чувство в себе не погашу.

Где-то читала совет психолога, что нужно выговориться – последую ему. Все выскажу, когда снова Богдана увижу. Он вообще не имеет права мне так угрожать после того, что сделал. Не хочу снова это проживать, не хочу снова пачкаться в грязи и выяснять, сам Исаев ли Лизу в койку затянул или сестрица расстаралась. Лучше от этого не станет. Но нужно. Ради детей поговорить. Может получится разойтись мирно, насколько это вообще возможно. Может он в сердцах грозил, но на самом деле не сделает этого?

Я тут же одергиваю себя от таких мыслей. Я же оправдания ему ищу, снова как та глупая девчонка, которой раньше

была. Так я скоро дойду до того, что сама в его измене виновата! Но это не я предала, не я спала с чужой женщиной. Да, где-то я глупо поступила, надо было сразу поговорить тогда, но... вышло как вышло. А потом совсем не до выяснения отношений стало. Я уже пережила один раз выкидыш. ЭКО прошло удачно, я была уже на двадцатой неделе. Все мои анализы были в норме, я постоянно бывала в клинике, а потом... потом просто обнаружила кровь на нижнем белье.

Тогда я приходила в себя несколько месяцев. Я ведь чувствовала, как моя кроха толкалась в животе, а потом просто наступила пустота. У меня не было сил ни есть, ни спать, ни хотя бы как-то существовать. Богдан в тот момент был рядом, поддерживал, как мог, мама тоже. Даже Лиза. Но никто из них не мог залечить рану, которая кровоточила без остановки.

Решиться на новое ЭКО я смогла лишь через полтора года и лишь после того, как прошла курс у психолога. Тогда я смогла отпустить мою крошку, приняла тот факт, что я не виновата, я сделала все, что могла... поэтому, когда врач сказал, что если в дальнейшем я буду испытывать такой же стресс и переживать, то могу потерять снова детей, внутри как отрезало. Эмоции будто заблокировались, законсервировались внутри за стальной дверью. Я сосредоточилась только на малышах.

- Мы приехали, - вырывает меня из тяжелых воспоминаний голос надзирателя.

Моргнув растерянно, я выглядываю в окно. Мы припарковались почти напротив входа в элитную многоэтажку. Чуть раньше я заметила, как мы проезжали через шлагбаум на закрытую территорию. Да уж, видно, Исаев важной птицей стал, раз жилья в обычном доме уже недостаточно.

Амбал сопровождает меня до квартиры на двенадцатом этаже, отпирает дверь ключ-картой и пропускает вперед, позволяя мне закатить коляску внутрь.

- Жилье в полном вашем распоряжении, Богдан Алексеевич просил передать, что вы можете выбрать любую комнату, - говорит мужчина, пока я бегло осматриваю прихожую.

- Какая щедрость, - цежу ядовито под нос.

- Посмотрите комнаты? Я помогу отнести туда сумку с одеждой и детей, чтобы вам не было тяжело.

- Не надо. Мы здесь надолго не останемся, - отрезаю категорично.

- Дело ваше.

Мужчина опускает спортивную сумку на пол и приглаживает короткий ежик ладонью.

- Меня зовут Казимир, вы можете обращаться ко мне по любому вопросу, Снежана Олеговна. Если вам что-нибудь нужно, просто наберите меня. Или вы можете позвонить самому Богдану Алексеевичу.

Казимир замолкает, видимо, ожидая от меня какой-либо реакции, но я молча буравлю его взглядом, дыру прямо по центру лба выжигаю. Я сейчас не особо настроена на веж-

ливость, особенно с теми, кто на одной стороне с моим бывшим мужем.

- У меня ваших номеров нет.

- Это можно быстро исправить.

- Детям нужно будет на прогулку, - делаю я попытку отвоевать хотя бы призрачную возможность выбраться из этой крепости.

- Позвоните мне, когда решите выйти, и я вас сопровожу.

- Я и одна справлюсь.

- Извините, но выпускать из квартиры вас не велено. Богдан Алексеевич просил запереть вас до его приезда.

- Запереть?! Да вы с ума сошли! – я еле удерживаюсь, чтобы на крик не перейти, - А если пожар? Если что-нибудь случится??! Кто потом отвечать будет?!

- Снежана Олеговна, - Казимир даже бровью не ведет на смену интонации, - я буду рядом, в соседней квартире. Если понадобится помощь, я окажусь здесь максимум через полминуты. К тому же квартира оборудована противопожарными датчиками. При малейшем задымлении на пульт пожарной охраны поступает сигнал и расчет приезжает через несколько минут.

- Этого достаточно, чтобы трагедия случилась!

- Если подобное произойдет, включится режим пожаротушения. Поверьте, вы все будете в порядке, - непробиваемо опровергает Казимир все с тем же отстраненным лицом.

Мне хочется выругаться, громко и нецензурно. Спорить с

ним просто бессмысленно! Проще стоять и стене что-нибудь доказывать, и то результата будет больше.

- Вам нужно что-нибудь в магазине? Предметы гигиены для себя или детей? Детское питание? Я могу заказать доставку, - решив, что спор окончен, деловито предлагает амбал.

- Я сама могу это сделать.

- Это вряд ли, - качает головой Казимир и протягивает ко мне раскрытую ладонь, - пожалуйста, отдайте ваш телефон.

- Да вы... что вы себе позволяете?! – взвиваюсь я, - Ничего я отдавать не буду!

Но мужчина даже не слушает. Он просто ждет, глядя на меня. Я прожигаю его взглядом в ответ, складываю руки на груди, всем своим видом показывая, что уступать не собираюсь.

- Снежана Олеговна, пожалуйста, не заставляйте отбирать у вас смартфон силой, - говорит он абсолютно спокойным тоном.

- Вы не посмеете!

Амбал лишь тяжело вздыхает и делает ко мне шаг. Струсив перед такой горой мышц, я испуганно отступаю, почти моментально растеряв все самообладание. Казимир выглядит внушительно и угрожающе, я уверена, что чтобы отобрать телефон у женщины чуть ли не вдвое меньше него, ему даже особых усилий прикладывать не нужно.

- Снежана Олеговна, даю вам последний шанс, - произно-

сит он весомо, - не вынуждайте прибегать к крайним мерам.

Мой подбородок дрожит, я стараюсь быть такой же хладнокровной и невозмутимой, но это не у меня пытаются отобрать последнее средство связи с внешним миром. Мне нельзя его лишаться! Но Казимир делает еще шаг ко мне и нервы сдают. Кажется, что он сейчас просто схватит меня за шкуру и встряхнет как следует, будто котенка, а может и вовсе ударит.

Вытащив из кармана джинсов телефон, я протягиваю его моему тюремщику.

- Подавитесь.

- Спасибо, Снежана Олеговна, - вежливо благодарит Казимир, не реагируя на грубость.

Он убирает смартфон во внутренний карман пиджака и я вздыхаю тяжело, провожая его взглядом. Теперь я даже маме написать не смогу... что делать, если Богдан действительно заберет детей, если не выпустит меня отсюда? Мысли хаотично мечутся в голове и, хотя я стараюсь не поддаваться панике, не могу успокоиться. В такой ситуации это вообще невозможно.

Казимир тем временем выуживает из кармана другой смартфон и вручает мне. Я бросаю непонимающий взгляд на мужчину, но все равно принимаю неожиданный «презент». Но радость от того, что без средства связи я все-таки не останусь, улетучивается уже через пару секунд.

- В этом телефоне все внешние вызовы заблокированы.

Интернет тоже, - обрубает мою надежду Казимир. – Кроме моего номера и номера Богдана Алексеевича вы ни с кем не сможете связаться.

От такой новости я уже не выдерживаю.

- Это незаконно! – взрываюсь я, - Вы... вы с ума сошли. Это же похищение!!! Вы представляете, что с вами будет?!

Но этого мужика, похоже, ничем не проймешь! Ни угрозами, ни зарождающейся женской истерикой.

- Успокойтесь, Снежана Олеговна. Это ненадолго. Вы уладите недоразумение с Богданом Алексеевичем и будете свободны.

- Улажу недоразумение?! Улажу... - у меня от возмущения воздуха перестает хватать.

Запереть меня без возможности связаться с кем-то – недоразумение?! Пригрозить отобрать моих детей – тоже недоразумение?? И как же мы будем его улаживать? Он что, заставит меня от детей отказаться и только тогда выпустит?! Если так, то Исаев из ума выжил! Если пресса узнает, что творит один из крупнейших бизнесменов города, его репутации конец!

В голове будто щелкает от запоздалой догадки. Поэтому Богдан и решил меня запереть под замком. Чтобы никто лишний раньше времени не пронюхал. Раньше того, как его люди подчистят всякие неприятные факты и не выставят его белым и пушистым!

Мне хочется заскулить от бессилия. Да на что я надеюсь,

какая репутация? Сколько историй по стране, когда мужчины, имеющие деньги и власть, отбирают у матерей детей. Нагло, беспринципно, даже видется с ними не дают. Законно отбирают, похищают – и хоть бы что им! Они их даже воспитывать не хотят, только больно своим бывшим женам сделать. А если такие истории и добираются до прессы, то там сразу вкидывают сплетни, что мать за детьми следила плохо, издевалась и вообще была женщиной легкого поведения. И вот он уже из похитителя превращается в любящего отца, справедливого и честного. Просто ангел во плоти, который всего-то хочет спасти обожаемых детей из лап мегеры-матери. С чего я взяла, что Исаев не поступит точно так же? Потому что когда-то была его женой? Судя по нашей первой встрече, он сам на меня один большой зуб заимел.

- Снежана Олеговна... – зовет меня осторожно Казимир, потому что все это время я просто стою и прожигаю его пылающим от праведного гнева взглядом.

- Убирайтесь! – не выдерживаю я, – Вы получили, что вам нужно, так что оставьте меня в покое!!

Хочется рвать и метать от бессилия, от того, что уже уступила, отдав единственную возможность связаться хоть с кем-то из внешнего мира и дать знать, что случилось. Что мне теперь делать? Я не могу потерять своих крошек... Боже, неужели я настолько плохая мать, что даже не могу их защитить?

Казимир извиняется и уходит, оставляя меня внутри

квартиры, запирает на замок дверь. Я дрожу всем телом, сил едва хватает переложить малышей из коляски на диван и опуститься на него без сил. Была бы одна – завывала, настолько безвыходная ситуация. Но рядом дети и нельзя их пугать, так что я просто зажимаю рот ладонью, стараясь сдержать рвущиеся наружу рыдания. За что мне все это? Чем я заслужила? Это не я изменяла, не я предала, не я нарушила клятвы, но наказывают меня!

Чувствую себя оглушенной, потому что даже звук открывания двери доходит до заложенных словно ватой ушей не сразу. Лишь когда над головой раздается голос, я вскидываю голову и сталкиваюсь глазами с сестрой.

- Ты какого черта здесь делаешь? – шипит Лиза, уничтожая меня взглядом.

Только этого мне не хватало...

Глава 7

Вот она, разлучница и моя родная сестренка собственной персоной. Все в одном флаконе, как говорится, получите-распишитесь. И, главное, в квартиру легко вошла. Значит, не врала Ира, когда рассказывала, что Лиза с моим мужем теперь живет... не то чтобы у меня надежда была какая-то на то, что это неправда, просто... вдвойне мучительнее от этого. Как когда в кровати их вдвоем застала. В сердце щемит, но я не показываю, как мне больно. Наоборот, улыбаюсь только шире.

- Привет, сестренка. Давно не виделись, - произношу я, поднимаясь с места. Врага надо встречать во всеоружии.

«Сестренка» хмурится, поджимает пухлые подколотые губы. Холеная такая. Поневоле нас сравниваю и сравнение это точно не в мою пользу. Я и до детей по салонам особо не бегала, особенно когда всерьез к ЭКО подошла – максимум процедур, которые проходила, были просто уходовыми: чистка, маски. Конечно я за собой следила, но смысла спускать кучу денег и лепить другого человека, совсем не похожего на меня, не собиралась. Лиза же всегда тратилась именно на эту сферу, могла голодать, лишь бы губы еще подколоть или шмотку брендовую купить.

Разные мы с ней и по внешности, и по характеру. И вот сейчас это различие еще больше в глаза бросается. Я-то с

мелкими вечно зашиваюсь, стараюсь подрабатывать удаленно, пока те спят – пособий не хватает, так что я иногда не сплю, лишь бы задания по работе доделать. Времени на салоны нет вообще, да и какие салоны... я стрижку последний раз полгода назад делала, и то сама, по видеоуроку с ютуба. Няню себе позволила нанять лишь пару раз – я тогда с ней малышей с ней оставила просто потому, что обратиться было не к кому. Не везти же их с собой по всему городу! А освободившееся тогда время потратила совсем не на то, чтобы перышки почистить – по супермаркетам бегала, порядок наводила, за сапогами ездила и курткой зимней... так что сейчас я по сравнению с Лизой просто замухрышка какая-то.

«Да, ты не красавица у нас, зато умная и хозяйка из тебя хорошая» вспоминаются некстати слова мамы, которые она однажды обронила, когда еще я в девятом классе училась. Похвалить хотела, но лишь мои комплексы усугубила. Уверена, она и не ожидала, что я замуж первой выскочу, еще и за такого парня – мне тогда все подружки завидовали. Как же, серая мышь и вдруг отхватила себе принца.

Сестра так на меня и смотрит, как на место пустое, с какой-то брезгливой жалостью. И недоумением еще.

- Привет, - наконец произносит она сухо, откидывая за плечо наращенные платиновые волосы, и повторяет неприязненно вопрос: – Ты как тут оказалась?

Надо же, даже не нахамила с порога. Странно, учитывая ее любовь ко всяким скандалам. И неужто ее любовничек не

предупредил, что законную жену в дом приведет?

Я поневоле распрямляю спину. Рядом со сверкающей, как бриллиант, сестрой, которая явно на свою внешность тратит немалые суммы, не хочется казаться совсем уж забитой деревенщиной. Пусть длинных ногтей у меня нет, ресницы и волосы я не нарастила, но чувство собственного достоинства у меня еще осталось.

- Да вот, проездом. Ехала мимо, решила заскочить, повидаться, узнать, как живете. Давно вас не видела, - повторяю я слова сестры, сказанные мне до того, как вся моя жизнь рухнула. По ее же вине.

Лицо Лизы вытягивается. Понимаю – помнит, ой как помнит наш последний разговор, что она мне по телефону щебетала, прежде чем в койку к моему мужу залезть. Еще упростила ключи от квартиры маме оставить, мол, приберется, пока меня нет, на стол накроет. Я даже обрадовалась – сама-то встретить мужа не могла после длительной командировки. Сестренка и расстаралась, встретила. Не знаю, накормила ли, но десерт точно подала. В чужой постели.

- Не паясничай, Снежанка. – Цедит сквозь зубы Лиза, стискивая крепче фирменную сумочку. Ее ногти алого цвета так впиваются в натуральную дороговую кожу, что наверняка следы оставят. – Это другим ты пыль в глаза можешь пускать и строить из себя милую невинную дурочку, а со мной такое не прокатит. Я в курсе, что змея ты еще та.

- Да? А я думала, это твоя любимая роль, - парирую я,

складывая руки на груди.

Мы прожигаем друг друга взглядами. Горько стоять вот так напротив родной сестры, которую с кружков в школе после уроков забирала, а потом мы вместе по пути домой заходили в магазин. Та прыгала по лужам и выклянчивала киндер, хотя денег мама давала строго на продукты по списку. Невольно приходит воспоминание, как в детстве Лизка всегда воровала из моих новогодних подарков самые вкусные конфеты. Мне не жалко было, я любила сестру, хоть и бывало обидно немного, что мама всегда за нее заступалась и говорила, что она маленькая и ей нужнее, а я вот старше на четыре года и должна уступать. А потом она и мужа украла... дурацкое сравнение, но, видимо, все начинается с детства.

- Хватит! – резко обрывает Лиза.

Странно. Неужели нервничает? Глаза так и бегают и дышит часто. Неужели одна встреча со мной так сильно вывела ее из равновесия? Глядя на то, как она взволнована, я вдруг злорадствую. Так ей и надо. Может боится, что все ей бумерангом вернется? Что между нами с Богданом чувства вспыхнут по новой?

Было бы смешно увидеть ее лицо в этой ситуации, да вот только я уводить чужих мужчин не собираюсь, не мое это. Да и Исаева больше к себе никогда не подпущу после того, что он сделал. Прощать не собираюсь, тем более после угрозы детей отобрать.

- Я еще раз спрашиваю: как ты сюда попала?! Откуда у

тебя ключ от квартиры? Ты что, у горничной его ukrала? – делает невероятное предположение Лиза.

Даже забавно наблюдать, как она пытается придумать объяснение тому, что я оказалась в квартире ее любовника. Хотя теперь это уже не любовник, они ведь официально вместе...

- Богдан привез, - пожимаю я плечами.

Знаю, что только подливаю этими словами масла в огонь, но ничего не могу с собой поделать. После всей той боли, что причинила мне сестра вместе с бывшим мужем, хочется отплатить хоть одному из них тем же. Хотя бы толикой.

Лицо Лизы вытягивается и пухлые губы забавно складываются в трубочку, как у ребенка, когда он от удивления букву «о» ими делает.

- Ты что несешь?! – рявкает Лиза, видимо, ее нервы окончательно сдают.

Я бросаю взгляд на сопящих малышей, прикрытых сейчас от посторонних глаз подушками, и осаживаю грубо:

- Не кричи. Детей перепугаешь.

- Ты еще и детей сюда притащила?! Хватило же наглости! – сестра едва зубами не скрипит, окатывая меня тонной презрения. Оно сквозит как в голосе, так и во взгляде. Конечно, она знает наверняка от мамы, что я малышей родила, но, видимо, особо не беспокоится вопросом о том, кто их отец. Главное мужика заполучила.

- Мне? Это мне ты говоришь?? – хохотнув, уточняю я, - Лиз, ты либо крестик сними, либо трусы надень, ей-богу, -

вспоминается вдруг дурацкая пословица, так идеально подходящая под ситуацию.

- Хватит паясничать! Ты что, отомстить мне захотела, притащила выроdkов сюда своих, чтобы Богдана разжалобить? Ничего у тебя не выйдет, понятно?! Мы с ним вместе! Давно!

- Не смей обзывать моих детей, понятно? Я не посмотрю, что ты все-таки моя сестра и глаза тебе выцарапаю. Знаешь, накопилось. Маникюр у меня, конечно, не такой шикарный, но располосовать твое лицо хватит, – я подхожу ближе к сестре и, сузив глаза, цежу предостерегающе, - Раз не выйдет, то чего орешь-то? Или страшно все-таки?

Лиза моргает растеряннo, будто не ожидала получить отпор, и отступает на шаг. Да, это раньше я была тихоня и вся из себя прилежная хорошая девочка, которая бы проглотила легко оскорбления. Я и то, что она буквально до основания разрушила мою жизнь, стерпела. Но не теперь. Обижать своих детей я не позволю, в лицо вцеплюсь любому, несмотря на статус и положение. Как и любая мать.

- Еще раз спрашиваю, как ты сюда попала? – повышает она голос и достает из сумочки телефон, потрясая им грозно. – И тебе лучше ответить, если ты не хочешь, чтобы охрана тебя отсюда вытурила. Только про Богдана сказок не надо, сестренка. У тебя десять секунд, чтобы правдоподобное оправдание придумать, хотя и оно тебе не поможет!

Я усмехаюсь и отвечаю, наслаждаясь тем, как перекаши-

вает лицо Лизы, будто она сразу несколько кислющих лимонов съела:

- Боюсь, охрана меня не тронет. Я теперь здесь живу.

Глава 8

Знаю, это не повод гордиться, все-таки Богдан меня сюда силой притащил и угрожает детей отобрать. Но поставить на место зарвавшуюся сестру очень хочется.

- Что?! Ты... ты что такое несешь?! – выдавливает Лиза.

Она становится какой-то серой, будто пропитывается грязью, которую тут же на меня и спускает:

- Ты че, реально думаешь нагулянных детей на Исаева повесить? Или вернуть его так решила? Накувыркалась на стороне, а теперь выдаешь отродье за детей бывшего муженька? Алиментов захотела или чтобы Богдан тебе отступных побольше отстегнул?! – скривив рот, выплевывает она оскорбления.

- Не нужны мне его деньги. И Богдан мне тоже не нужен, понятно?

- А что тогда? Думаешь, он купится на твой спектакль и назад вернется, семью восстанавливать? – насмешливо изгибает четкую нарисованную бровку Лиза. – Не нужна ты ему, ясно?

- Ага, ясно, - отмахиваюсь я, как от раздражающей назойливой мухи, - поняла я уже, Лиз, что никому тут не сдалась.

Максим начинает плакать и сердце екает, отзываясь на клич ребенка. Видимо крикливая сестра его все-таки разбудила.

- Оставь меня в покое. Богдан придет, мы поговорим, и я исчезну отсюда, - бросаю я и тороплюсь к малышу. Сев на диван, беру его на руки, укачиваю, стараясь поскорее успокоить, пока Лерочка не проснулась тоже. – Если так хочешь, чтобы я правда убралась отсюда побыстрее, можешь помочь. Покапай Богдану на мозги, чтобы меня выпроводил, потому что это он заставил меня приехать сюда.

Кажется, Лиза проживала уже некоторое потрясение за это утро. Не могу соврать, что это мне не нравилось. Хоть немного, но та ощутила себя на моем месте. У меня тоже меньше двух лет назад земля из-под ног ушла.

- Заставил? – хохотнув, переспрашивает Лиза недоверчиво, - Забавная шутка.

- Это не шутка, - огрызаюсь на нее. – Он встретил меня возле вокзала и притащил сюда. А еще претендует на детей. Радуйся, сестренка. Вдруг у него получится? Тогда не только мужа у меня уведешь, но еще и дети появятся. После этого успокоишься? Довольна будешь?

Я говорю со злой иронией. Не отдам я ему детей, умру, но не отдам ни за что.

- Да что ты такое мелешь? С чего Исаев вообще поверил, что это его дети? Лапшу мне тут какую-то на уши вешаешь. Выметайся давай! – судя по тону, Лиза теряет терпение. – Слышишь ты, эй?! Бери своих щенков и пошла отсюда!

Лиза шагает ближе, намереваясь схватить меня за руку и, похоже, действительно вытолкать взащей, но тут ее взгляд

падает на мордашку лежащей на диване Лерочки и по ее лицу пробегает тень. Глаза расширяются, она хватается ртом за грудь, застывая каменным изваянием на месте, чуть ли за сердце не хватается, словно не ребенка увидела, а привидение.

- Не может быть... - шепчет она едва слышно. – Но мама... сказала...

Родство с Исаевым, к сожалению, угадывается безошибочно. Тот же нос, разлет бровей, общие черты. Так безумно обидно, что от меня у детей лишь губы. Я так мучилась всю беременность – токсикоз, постоянные переживания от угроз выкидыша, буквально прописалась в больнице, настолько врачи боялись отпускать меня. Да и роды были тяжелыми... а потом? Я каждую секундочку я провела рядом с ними, выхаживала, выкармливала, а малыши – просто копия отца. Несправедливо!

Я хмурюсь, не понимая, при чем тут мама, и обрубаю жестко:

- Может, Лиза. Я мужу не изменяла никогда, в отличие от некоторых.

- Ты же детей иметь не можешь! – восклицает сестра.

А вот это уже удар ниже пояса. Я прожигаю предательницу взглядом. Она ведь знает, как я тяжело переживала, что детей не могу иметь, что все мои попытки забеременеть заканчивались провалом. Я же ей в жилетку плакалась об этом, причем в самом что ни на есть прямом смысле. Рыдала, когда очередное ЭКО окончилось выкидышем, не хотела всё на

Богдана взваливать. Я и так как тень бродила, муж все время был хмурый. Не хотелось еще больше сгущать тучи в наших отношениях.

А он наверное и не переживал. Лиза же проговорилась, что они давно вместе. Неужели, когда я переживала столько потрясений, столько горя после потери, они просто в кровати кувыркались? Мерзко и больно.

- Ну видишь же, могу, как оказалось, - цежу холодно, оказывая сестрицу колким взглядом.

- А-а! Все мне с тобой ясно! – восклицает внезапно Лиза и усмехается так, словно на лжи меня поймала. – Ты суррогатную мать наняла, да? Богдан же сдавал биоматериал. Ты его выкупила и использовала, чтобы тебе кто-то детей выносил? Ты нам наше счастье простить не смогла, мстишь теперь? Выждала время, когда дети станут более похожими, чтобы Богдана посильнее задеть, и явилась?

От абсурдности предположения я даже рот распахиваю и не сразу отвечаю. Сестра трактует это в свою пользу. Ее лицо прямо-таки светится торжеством от того, как легко она меня уличила и быстро нашла якобы правдивое объяснение.

- Ты это серьезно? – выдавливаю я, осматривая сестру с нескрываемым скепсисом, - Выкупила биоматериал и наняла суррогатную мать? Ты с ума что ли сошла? Да клинику засудить вообще-то могут за такое! И, боже, ты серьезно думаешь, что я бы захотела детей от предателя? Что я действительно готова была на подсудное дело пойти и рисковать сво-

бодой ради этого?

- Ну раз дети есть, значит, ответ очевиден, - складывает руки на груди Лиза. — Думаешь, что тебя не выведут на чистую воду? Может ты там в своем Нижнеурюпинске совсем оступела, но тут, сестренка, в твои сказки никто не поверит. Стоит нанять частных детективов — и через неделю у меня все доказательства будут на столе лежать!

Я лишь тяжело вздыхаю и сосредоточиваю свое внимание на малыше, не собираясь спорить и выслушивать бредовые теории. Скрывать мне нечего. Если Богдан так сильно захочет узнать, как протекала моя беременность, без труда найдет поликлинику, к которой я была прикреплена, и увидит мою карту. С его деньгами и связями это по щелчку пальцев можно сделать.

- Я не собираюсь перед тобой отчитываться ни в чем.

- Даже не надейся, что твоя афера выгорит, — взвинченно рывкает Лиза и бросается к выходу, но останавливается и оборачивается, - Ты тут не задержишься надолго. Можешь даже сумки не распаковывать, к вечеру тебя тут уже не будет!

Я закатываю глаза, но тут меня осеняет. Хоть мы с родной сестрой по разную сторону баррикад и даже ненавидим друг друга, но ведь она может мне помочь! Да, она меня предала и из-за нее я потеряла мужа, но речь сейчас идет о детях! Потерять их я не могу себе позволить.

- А, знаешь, что? Хочешь, чтобы я убралась? Помоги мне сбежать!

Лиза зависает, сбита с толку такой внезапной быстрой победой. Она явно собралась против меня настоящую войну развертывать и не ожидает, что я так быстро сдамся. Знаю я свою сестру, как облупленную – уж она стерва так стерва, все нервы вымотает, но добьется своего.

Я вскакиваю с кровати и тараторю:

- Бери вот ту сумку, там вещи детей. Коляска осталась в машине у Казимира, так что я на руках детей понесу. Подвезешь меня к вокзалу?

Я бросаюсь к дивану, кладу на него Макса и быстро отыскиваю комбинезоны. Времени на раздумья нет, Богдан может явиться в любой момент. Или приставленный им надзиратель, чтобы проверить, как дела идут. От мандража меня немного потряхивает, но я все равно как могу быстро одеваю детей.

- Ты... во что ты меня пытаешься втянуть, а?

- Никакого подвоха нет, если ты об этом. Просто помоги мне уехать и, клянусь, я исчезну и никогда ты обо мне не услышишь, – легко обещаю я предательнице. – Будешь жить-поживать со своим Богдашей и дальше.

Лиза сурово сводит брови на переносице, хмурится. Она мне явно не верит. Неудивительно, конечно, но все же нельзя всех людей мерить по себе.

- Елизавета Олеговна, – раздается позади громогласный голос.

Внутри все опускается. Крохотная детская шапочка едва

не выпадает из ослабевших пальцев. Явился-таки... а я уж надеялась, что, раз этот надзиратель проворонил гостью, то зайдет попозже на проверку.

- Снежана Олеговна? – зовет Казимир с вопросительной интонацией, - вы куда-то собрались?

Я поджимаю губы и принимаюсь медленно раздевать Максима, даже не поворачиваясь к охраннику.

- Никуда уже, - бурчу.

- Елизавета Олеговна, Богдан Алексеевич просил никого сюда не впускать до его приезда. – Обращается Казимир уже к моей сестре.

- Что это значит? – игнорируя полностью охранника, сестра тыкает в мою сторону пальцем, сверкая густо подведенными глазищами.

Она явно спрашивает именно причину того, почему я нахожусь в квартире Исаева, но амбал безэмоционально повторяет уже озвученное:

- Просили никого не впускать до приезда Богдана Алексеевича. Это значит, что вам здесь тоже находиться нельзя.

Фыркаю. Может такое поведение и неуместно для охранника, но меня веселит.

- Хватит дураком прикидываться! – выходит Лиза из себя, - Какого черта Богдан притащил в квартиру эту... - она замолкает на секунду, снова окидывает полным презрения взглядом.

- Я не знаю, Елизавета Олеговна, – сохраняя поистине ти-

таническое спокойствие, отвечает мужчина.

- Я тебя уволю, Казимир! Ты понял?! Мне осточертело то, как ты со мной разговариваешь! – срывается сестра на охранника.

- Я подчиняюсь Богдану Алексеевичу. Решение об увольнении будет принимать он, - напоминает даже как-то скупаясь мужчина.

Одна только эта фраза в совокупности с ледяным спокойствием охранника выводят Лизу из себя настолько, что она готова взорваться. Хотя, скорее всего, бесится она так из-за того, что меня с детьми не ожидала здесь встретить. Она и раньше покладистым характером не отличалась, бунтовала и устраивала в подростковом возрасте маме концерты, но теперь будто драматической актрисой себя чувствует.

Схватив первое, что попало под руку, Лиза швыряет об стену тяжелую вазу. Но у нее настолько толстое стекло, что эта самая ваза даже не разбивается, а, ударившись о стену, с грохотом падает на пол. Это так нелепо и комично выглядит, что даже охранник как-то странно покашливает, будто маскирует смех.

Но лично мне не до смеха совсем – резкий звук пугает малышей и те раздражаются громким плачем. Я бросаюсь их успокаивать и не вижу, что дальше делает Лиза. Мне совсем не до истерик младшей сестры сейчас, которые еще и выглядят так фальшиво и театрально. Лишь краем глаза я замечаю, что Казимир все-таки хватается ее под локоть и силком

выволакивает из квартиры.

Как-то даже... печально, если она тут хозяйка. А может и поделом.

Глава 9

Я остаюсь в квартире одна. Ребятишки отвлекают от тяжелых мыслей. Дети давно стали моей отдушиной, тем более что сразу за двоими сорванцами ухаживать оказалось гораздо труднее. Иногда от усталости я просто падала в кровать и отключалась, а утром по звонку будильника вставала из постели на автомате. Мозг еще не функционировал, а я уже, как робот, выполняла какие-то движения.

Когда я сбежала из этого города, не думала даже, что окажусь одна с детьми, что будет сложно или одиноко. Тогда мотив был один – уехать, как можно дальше, как можно скорее. Чтобы не видеть больше этих двоих, вычеркнуть из жизни, не выворачивать себе сердце. С глаз долой, как советовала мама... и это ведь помогло. Из-за угрозы выкидыша я сосредоточилась только на детях. Лишь потом осознала, какую ошибку сделала, что не развелась сразу. Тогда еще можно было утаить беременность, но потом, когда стало видно живот... никакой суд бы нас не развел без разбирательств об опеке над детьми. А Богдан ведь не отступился бы. Да и, узнай он о беременности раньше, не отпустил бы никогда. Только сердце бы дальше рвал.

Единственная ошибка, которую я совершила – что приехала сюда. Мама сама зазвала в гости, сказала, что Лиза к ней не ездит, а это значило, что и Богдан тоже. Да и обмол-

вилась будто невзначай, что эти двое сначала в командировку едут, а потом сразу в путешествие в другую страну, мол, целый месяц их не будет. А раз так, как вообще вышло, что Исаев оказался ровно в том же месте, в то же время, что и я? В огромном многомиллионном городе это просто нереально! Поневоле наводит на нехорошие мысли о том, что все это было подстроено. Но если так, тогда кто такой доброжелатель? Неужели Ира? Или... мама? Ведь это она сказала, что Лизы с Богданом в городе нет...

Если бы не наша встреча, он бы никогда не узнал о детях. Если только потом, случайно и спустя несколько лет, но тогда бы он точно решил, что они не от него. Не надо было даже соваться сюда... Голова идет кругом от этих мыслей, но вскоре погружаться в размышления мне не дают малыши. Следом за Максимкой проснулась и Лера, и теперь оба ребенка громко требуют их покормить.

Весь день я провожу с детьми в четырех стенах. Играю, развлекаю крошек до самого вечера и, когда время переваливает за девять вечера, чувствую себя выжатым лимоном. Уложив их спать, я наконец бреду на кухню, чтобы приготовить хоть что-нибудь и поесть впервые за целый день. От всей ситуации и переживаний кусок в горло не лезет, но мне надо поесть, иначе сил совсем не будет, а с близняшками их нужно ого-го сколько!

В холодильнике практически ничего нет, кроме подсохшей нарезки сырокопченой колбасы, лежащей прямо в надо-

рванной пластиковой упаковке, и сиротливо скукожившейся половинки лимона. Наверное, квартиру Богдан купил совсем недавно, раз даже еды тут практически нет. Или они с Лизой тут редко бывают? Гадать не хочется. У меня вообще об этих двоих думать нет желания. И видеть тоже.

В одном из кухонных шкафчиков находится целая упаковка спагетти. Я набираю воду в одну-единственную кастрюльку, что отыскала, проверяя пустые полки, и ставлю их варить. А параллельно пытаюсь продумывать план, прокручиваю в голове возможный разговор с Богданом. Даже стараюсь выстроить какую-то тактику, чтобы разговаривать с бывшим мужем спокойно и не выводить его на агрессию, не злить лишний раз. С его возможностями он и правда способен детей у меня отнять, причем оформить все это законно... лучше делать вид, что я такая вся покладистая и понимающая, а самой стратегию продумывать.

Вот только сохранять спокойствие только на словах получается. Казалось, что рана от предательства внутри хоть немного затянулась, но стоит только представить наш разговор, лицо Богдана, которое я помню до малейшей морщинки, и внутри все скручивает. Мы ведь так и не поговорили, я так и не задала главный вопрос: как он мог?

Как мог вот так легко предать? Как мог перечеркнуть все, что мы с ним пережили, все наши счастливые и тяжелые моменты? До сих пор помню, как он оберегал меня, как дарил цветы, иногда даже без повода, как даже спустя несколько

лет после свадьбы мы ходили на свидания... Да, иногда было тяжело, в последнее время он много пропадал в командировках, работал, но я всегда поддерживала и ждала его в чистом доме с вкусным ужином. Старалась быть хорошей женой и хозяйкой, пока он был добытчиком и опорой.

А оказалось, что работать-то он работал, на свидания ходил, да только и в кровати с младшей сестрой кувыркаться не забывал. Напряжение, наверное, снимал. Он ведь даже стажером Лизу взял когда-то в свою фирму, а потом и место выделил в штате... говорил, что не очень доволен ее работой, но даст шанс. А еще говорил, что оставит ее только если она знания подтянет и будет стараться, а не работать спустя рукава, что просто так из-за родства в компании он ее держать не станет.

Лиза не промах, подтянула... даже в командировку с ним пару раз ездила, старательная такая.

Пальцы обжигает и я, охнув, отскакиваю от плиты. Вот же черт! Сама не заметила за всеми этими мыслями, что ложка, которой я спагетти мешала, нагрелась. Я тороплюсь к раковине и включаю холодную воду, сую пальцы под нее. Но жжет больше все равно не пораненную кожу. Жжет внутри, так безумно сильно, что я зажмуриваюсь. Как я ни пыталась бежать эти два года, прошлое все равно настигло. Жизнь как будто в который раз дала понять, что прятанье головы в песок никаких проблем не решит, что разбираться с проблемами придется, пока они не выросли, как снежный ком, и не

поглотили под собой.

В который раз в голове всплывает лишь один вопрос: за что? Если уж Богдан так хотел жить с моей сестрой, так развеялся бы со мной и спал с ней, сколько влезет. Зачем было так низко поступать с женщиной, которой ты в любви клялся? Зачем было делать вид, что ты до сих пор любишь, что хочешь детей, соглашаться на новую попытку ЭКО?? Это больше всего. Я думала, что мы как та самая «одна сатана» — семья, где муж и жена горой друг за друга, вместе через любые трудности пройдут, не предадут ни за что. А оказалось?

Может быть дело во мне? Я ведь осела дома, хоть и подрабатывала, беря небольшие заказы, но это скорее просто чтобы навыки не растерять... не зря, кстати, так делала. Богдан настаивал, чтобы я не занималась этим, чтобы тратила время на себя, ведь с деньгами все было в порядке, но я все равно упрямо подрабатывала. Мой заработок по сравнению с заработком Исаева был просто смешным, но помогал мне... не знаю, поддерживать самоуважение что ли. Да, на мне был дом, я занималась готовкой, но...

Мысли вдруг соскакивают на другое. Я ведь последние пару лет не такой уж и хорошей домохозяйкой была. Наверное, если подумать, вряд ли бы нашелся месяц, когда я не занималась здоровьем, не лежала в больнице или просто бы не соблюдала строгую диету с режимом. Все ради ребенка, ради удачного ЭКО. Все мои разговоры были о малыше, мечты о малыше, даже сны я видела только с детьми, настолько с

ума сошла... Со стороны наверняка так и казалось. Наверное меня поймет только тот, кто побывал на моем месте. Кто не спал ночи, выплакивал в подушку слезы и жил с зияющей дырой, ширящейся с каждым провалом ЭКО. А еще и выкидыш на четвертом месяце...

На фоне этой трагедии, моей личной трагедии, я совсем забыла о муже. После того как крошечный малыш все же закрепился в матке, ни о каком сексе речи быть не могло, настолько я боялась, что это травмирует, что вдруг что-то пойдет не так. Всё шло не так и без этого, и брак мой тоже трещал по швам. Лиза оказалась лишь в нужное время в нужном месте...

Выключаю воду и выкладываю макароны в тарелку, сажусь на стул, но не успеваю и пары спагетти съесть, как входная дверь хлопает. Вилка выпадает из рук, с гулким звоном падает на пол. По спине градом пробегают мурашки и на секунду меня бросает в холод, а потом в жар.

Пришел. Мой палач пришел.

Я понимаю, что это именно Исаев, каким-то шестым чувством. Не могу объяснить, почему, просто знаю, что это он, а не, например, Казимир зашел меня проверить.

Я ждала весь день, хотела поскорее всё решить, поговорить, но, когда Богдан оказался дома, я просто приросла ногами к полу, не могу заставить себя выйти навстречу или хотя бы встать.

Зажмуриваюсь крепче, сглатываю комок.

Боже, помоги мне... я не хочу, не хочу, не хочу потерять своих детей.

Глава 10

Не двигаюсь с места, даже вилку с пола поднять не пытаюсь. Грудь часто вздымается от дыхания, сердце тарабанит в ребра. Даже не смотрю в сторону двери, жмурюсь до кругов перед глазами, когда буквально кожей чувствую чужую ауру. В просторной кухне будто становится тесно. Я лишь слышу шаги, какое-то шуршание, а потом на стол что-то опускается. Приходится распахнуть глаза. Передо мной стоят пакеты с какими-то контейнерами и упаковками. Сбитая с толку, я перевожу взгляд на Богдана.

- Ужин, - сухо отрезает он.

Полосует взглядом, долгим, жгучим, от которого становится труднее дышать. Я вдруг понимаю, что он... хочет меня уничтожить. Но за что?! Меня?? Это меня здесь предали, мне угрожали отнять детей! Разве он имеет право на такие эмоции?

- Я уже поужинала, - цежу в ответ, отводя глаза, и киваю на тарелку макарон, к которым даже не притронулась.

Чувствую, что он смотрит. Как будто кожу живьем с меня снимает. Жжет не меньше, чем от раскаленного металла, вот только никакой поток воды остудить его гнев не поможет. Я знаю. Исаев скор на расправу.

- Прекрасно. Мне больше достанется. – Тон голоса просто ледяной.

Я поднимаюсь, убираю тарелку. Чувствую себя куклой – движения деревянные и как будто неестественные.

- Лиза приезжала, - говорю зачем-то. Нам же нужно с чего-то начать разговор.

- Знаю.

Ну конечно он знает. Казимир наверняка обо всем доложил.

Снова повисает гнетущая тишина. Я вцепляюсь пальцами в столешницу до побелевших костяшек. К черту все!

Резко развернувшись, я выпаливаю:

- И что дальше, Богдан? Ну поселил ты меня здесь, а что потом? Ты что, думаешь, я буду и дальше жить в твоей квартире? Или ты семью на троих устроить решил? Будем весело жить: ты, я и моя любимая сестренка! Ах, прости! *Наша* любимая, - делаю едкий акцент, выделяя это слово интонацией.

- С кем я встречаюсь, не твое дело, и нашего спора по поводу детей не касается. Здесь никого постороннего не будет, можешь не переживать.

- Не касается? Ты это серьезно?! И о каком вообще споре о детях речь? Он мог бы быть, если бы ты был их отцом! – снова делаю глупую попытку разубедить его. И она, конечно, не срабатывает.

- Я все еще официально твой муж, а значит, хочешь ты того или нет, я являюсь их отцом. Любой суд это признает и, уверен, в документах я так и записан – я уже проконсультировался с юристом. Ты была в браке, а значит в свидетель-

стве о рождении и так стоят мои данные! – горячится Богдан, распаляясь от злости еще больше, - И, боже, прекрати ломать комедию! Ты просто посмотри на них! Они же моя копия, просто вылитые! Но пусть, раз тебе так нравится страдать фигней, сделаем ДНК тест.

- Эти дети только мои! И ДНК делать я не позволю!

- Я не собираюсь у тебя спрашивать разрешения. И тебе лучше не мешать мне и не вставлять палки в колеса. – Су-рово произносит он, - Мы либо договариваемся полюбовно, Снежик, и находим какой-то компромисс, либо я отбираю у тебя детей. Вычеркнуть меня из их жизни у тебя не выйдет. Я уже сказал, что у меня достаточно денег, чтобы оформить над ними опеку без твоего согласия.

Эти слова хуже пощечины.

- Я их мать! И ты что, вот так просто возьмешь и отнимешь у меня детей, которых я родила и выносила под сердцем?

- Но ты ведь у меня отняла возможность видеть, как они родились, как делали первые шаги, как получили первую игрушку. Что, отомстила? Рада?

Богдан смотрит на меня пронзительно, будто уничтожить хочет. А я... мне больно. И я больше не хочу входить в чье бы то ни было положение, жалеть, думать о других, как учила мама. «Ну перетерпи немного, зато не обидишь». Я всегда такой и была. Удобной, тихой, прилежной и примерной девочкой, забитой серой мышкой. Держалась за мужа, в рот

ему готова была заглядывать, а он и рад был такой послушной и внимательной жене, что даже в малейших вопросах не перечит.

- Ты не заслужил этого видеть, Исаев, - улыбнувшись совсем не весело, говорю я вдруг неожиданно для самой себя.

Богдан меняется в лице, рычит по-звериному и, в мгновение ока оказавшись рядом, хватая за плечи и впечатывает в стену.

- Повтори, что ты сказала, - грозно требует севшим голосом. Ноздри раздуваются от гнева, он явно сдерживается, чтобы не сомкнуть пальцы крепче и не причинить боль.

Нельзя сейчас провоцировать. Нельзя, нельзя, нельзя – мигает красной строкой внутри.

- Ты не заслужил этого видеть, - повторяю я хрипло, смело глядя прямо, не уводя взгляда в сторону. - Я тебе больше скажу: ты бы никогда не увидел, как они пошли в садик, не увидел бы похода в первый класс или их выпускной, если бы не эта чертова случайная встреча! Никогда не узнал бы о детях. Не после того, что сделал с нами. Ты меня предал! Нас предал. С моей родной сестрой изменил... как ты мог? После всего, через что мы прошли, что пережили вместе...

Исаев дышит тяжело, глядя в мои глаза, морщится, как от нестерпимой боли на последних словах.

- Ты тоже... сама же сказала, что полюбила другого.

- Никого у меня не было, Богдан, - устало отрицаю я, без труда отталкиваю от себя и он отступает, - я сказала это лишь

для того, чтобы ты отстал и не искал меня. Ты бы не отпустил, если бы узнал о беременности, а я... я же не железная, - голос становится сиплым из-за переизбытка эмоций, которые я безуспешно пытаюсь сдерживать, - Я бы не смогла видеть вас вместе с Лизой. Еще и врач поставил угрозу прерывания, сказал, если не убрать стресс и не пройти терапию, я детей потеряю. Мужа тогда я уже потеряла... - хохотнув печально, качаю я головой, - вот я и решила, что раз уж ты меня предал, отсечь лишнее. Знаешь, как при ампутации, убирают отжившее, чтобы человека спасти.

Исаев стискивает руки в кулаки, дышит тяжело и часто. Что, неприятно, милый, слышать, что ты то самое отжившее? Даже и не думал, наверное, что я тебя из жизни вычеркнуть смогу и дальше жить, настолько я от тебя зависела во всем... по каждому поводу бежала советоваться, как мне тогда казалось, а на деле просто он за меня все решал. И обоим было удобно и хорошо. А потом меня со всего размаха жизнь лбом об асфальт размазала, показала, что ни какого полагаться нельзя. Даже на человека, которого считал родным...

- Ты ведь знаешь, что я рос без отца... - глухо выдавливает он, - как ты могла?

От такой претензии грудь обручем передавливает. Даже сейчас, когда Исаев знает, что кругом виноват, вместо хоть каких-то извинений выставляет меня в худшем, чем он сам, свете. Да, слова ничего не исправят, не залечат и не спасут,

но можно ведь сказать хоть что-то... что жаль, что виноват, прости. Но нет. Видимо, такие упертые твердолобые люди, как он, прощения даже в таких ситуациях не просят. Ну конечно – кто Исаев, и кто я. Плебейка, как любила выражаться его мать.

- А как *ты*мог, Богдан? – спрашиваю тихо, вглядываясь в глаза бывшего, если не по документам, то по ощущениям, мужа. – Я этим вопросом теперь все время задаюсь. Ты уже пережил, тебе наплевать, а я как будто на два года назад вернулась. Почему? Ты можешь ответить хотя бы на этот вопрос?

Но вместо ответа Исаев рубит ладонью воздух, словно точку в этом разговоре хочет поставить.

- Хватит. Все это в прошлом, я не собираюсь это обсуждать.

Я хмыкаю тихо и качаю головой:

- Я же не так много прошу. Просто скажи причину, потому что я устала ее искать, устала думать об этом. Тогда и сейчас снова. Это из-за того, что я от гормонов во время попыток ЭКО располнела? – голос дрожит и чуть не срывается, - Или потому что Лиза красивее меня? Она яркая, сексуальная, мелькает все время на работе перед глазами, а дома я, плачусь тебе, толстая, опять о детях ною. Никуда не хожу, не наряжаюсь, не крашусь, вот тебя и потянуло, да? – перечисляю я, а у самой слезы в глазах стоят, - Только, Богдан... почему именно Лиза? Почему моя сестра? Неужели не мог

на стороне женщину найти?

Исаев массирует веки, проводит ладонью по лицу.

- Что ты хочешь от меня услышать? – вполголоса.

- Правду?

- Правды хочешь? – переспрашивает с какой-то злостью Богдан, полосуюя взглядом исподлобья, - Да, мы переспали с твоей сестрой, когда я приехал из командировки. Я был нетрезв, выпил в дороге, потому что заснуть не мог, а до этого не спал двое суток из-за сложных переговоров и перелета. Приехал домой, там Лизка. Все как-то случилось внезапно... мы просто разговаривали, начали спорить, а потом... потом просто оказались в койке. Я сам толком не осознал, как это произошло. Знаешь же, как это бывает.

Я не готова к этому. Сама просила рассказать всё, как есть, но ни на грамм оказалась не готова к такой правде. Может быть где-то в глубине души я все еще оправдывала Богдана, надеялась, что... А на что я, собственно, надеялась? Что его опоили и к кровати привязали? Силой его Лиза взяла? Как глупо... Всё оказалось куда банальнее и прозаичнее, никаких тебе заговоров и принуждений. Я глотаю слезы, шумно дыша. Даже не пытаюсь их сдержать, они сами катятся по лицу.

На секунду даже кажется, что лучше бы я никогда не слышала никаких объяснений, но... я ведь обещала себе больше не бежать от правды. Знать ее, пусть и такую горькую, лучше, чем теряться в догадках и придумывать какие-то оправ-

дания предателю, брать вину на себя и уже даже думать, что я плохая и «не додала что-то», как выразилась когда-то моя мама.

- Нет, Богдан, - выдавливаю едва слышно, - не знаю.

Исаев снова морщится, запрокидывает голову и опять массирует веки. Всегда так делает при сильном стрессе или переживаниях. Сомневаюсь только, что они сопоставимы с моими.

Поспешно стираю соленые мокрые дорожки. Хватит, я больше не буду плакать из-за него.

- И после этого ты еще смеешь мне угрожать, что детей отнимешь? – спрашиваю я тихо.

- Дети останутся здесь, - тут же жестко отрезает Богдан. – Ты, если хочешь, уходи. Мои дети должны быть рядом со мной.

- Ты понимаешь, о чем ты говоришь?! Я не брошу своих детей!

- Можешь остаться с ними, я тебя не гоню.

- Я не собираюсь жить с тобой под одной крышей после всего, что ты сделал! – выпаливаю, вскидывая подбородок.

Исаев складывает руки на груди.

- Можешь ночевать на лестничной клетке, если слишком гордая, - цедит с издевкой, - Мы ждем теста ДНК, Снежик, и то лишь потому, что ты артачишься. Дальше разговаривать будем в суде.

- Что? О чем ты... какой еще суд??

- О разводе, а потом и об опеке. Если ты будешь вести себя нормально, я не стану отнимать у тебя право быть их матерью, я не настолько жестокий. Но и забрать детей у себя больше не позволю, поняла? Я буду полноценным родителем, а не воскресным папой. Послезавтра увидишься с моим юристом. Очень рекомендую тебе подписать соглашение, которое он подготовил, тогда все закончится быстро.

- Какое еще соглашение?

- О совместной опеке. Определим сразу все нюансы, с кем и как будут жить дети, чтобы не растягивать процесс. А жить они будут со мной, Снежана, - твердо отсекает он.

- Совместной опеке?! Ты с ума сошел?? Я никогда не пойду на это!

Само предложение звучит для меня бредово и просто ужасно. Отдать моих крошек Богдану? На воспитание кому – Лизе?? Или просто посторонней тетке? Это даже хуже, чем под одной крышей с Исаевым жить!

- В таком случае я тебе обещаю, что ты их больше никогда не увидишь, - отрезает жестко Богдан. – На твоем месте я бы не упрямился и принял условия, которые я тебе предлагаю. Больше не будет так, как ты хочешь, Снежик. Это довольно щедрое предложение с моей стороны, давать тебе видеться с детьми большую часть времени.

- Что значит «давать видеться»? – вот только что речь шла о совместной опеке, а сейчас Исаев уже говорит иное.

- Они будут жить со мной постоянно. На моей террито-

рии. Я не доверю воспитание своих детей постороннему мужику, которого ты рано или поздно приведешь в дом. И не позволю настраивать малышей против меня. Будешь приходить ко мне и проводить с ними время. Пока они маленькие – можешь жить на территории дома и заниматься их воспитанием. Комнату я тебе выделяю.

От того, с какой наглостью он говорит, что даже целую комнату, так уж и быть, выделит мне в доме и позволит воспитывать моих же детей, как приходящая служанка, нервы сдают. Исаев с катушек слетел!

- Ты с ума сошел?! – не выдержав, повышаю голос чуть ли не до крика, - Я, по-твоему, кто? Просто нянька для собственных детей?! Приходить я в твой дом могу?? Жить рядом с детьми и воспитывать их, пока они маленькие?? Ты вообще весь стыд потерял? Как ты вообще смеешь такое говорить, ведь сам же недавно пенял мне, что я детей увезла, когда ты, бедняжка, без отца рос!

Ни о каком спокойствии, даже показном, речи уже не идет. Вся моя тактика, которую я так старательно репетировала, после прихода Исаева просто трещит по швам. Но как вообще возможно спокойно воспринимать такие слова? Это же просто немыслимо!

Богдан наступает, оттесняет меня к кухонной тумбе и вдруг больно хватает щеки ладонью, стискивает, обжигает льдом темно-карих глаз.

- Я озвучил условия. Не согласишься – вылетишь отсюда.

Так и быть, я заплачу тебе за то, что выносила моих детей. Сколько сейчас платят суррогатным матерям за эту услугу? Два миллиона? Три? Доплачу в два раза больше, раз уж малышей было двое. Говорят, многоплодная беременность протекает особенно тяжело.

Лучше бы меня ударили взаправду, чем я слышала подобные слова от некогда родного мужа. Он ведь всерьез это предлагает, хотя знает всю мою историю, в курсе, насколько дорого и тяжело дались мне близняшки. Внутренности обжигает обидой и я, размахнувшись, собираюсь влить Исaeву пощечину, сильную настолько, насколько вообще возможно. Чтобы вообще забыл собственное имя и то, что подобную грязь можно матери говорить.

В последний момент Богдан отпускает щеки, перехватывает мое запястье и сжимает. Его пальцы будто прожигают кожу насквозь.

- Думай, Снежик, - словно издеваясь, снова называет меня тем самым прозвищем, от которого раньше ёкало сердце, - Завтра у юриста озвучишь решение.

Я смотрю в глаза Богдана и распадаюсь на части. Мой мозг просто не может объять тот факт, насколько этот мужчина, на руках когда-то меня носивший, стал жестоким ко мне. Говорит о том, что рос без отца и не готов отказаться от детей, но тут же угрожает лишить меня материнских прав. Меня! Ту, кто вынашивала их, кто вскармливала грудью, пока он спокойно спал с моей сестрой.

- Я и не знала, какой ты двуличный, Богдан, - выдавливаю с горечью, не узнавая в человеке перед собой того самого мужчину, в которого когда-то втрескалась по уши, будучи совсем зеленой девчонкой.

- Это не двуличие. Я всего лишь защищаю свое право быть отцом.

- Защищаешь права, отбирая их у других? – морщусь, как от боли, и выпаливаю: - За что ты мне мстишь, Исаев? За то, что ушла? Тебя это задело? Ты же говорил раньше, что сам всегда бросал девушек первым. Мой уход так мужскую гордость задел?

- Не говори глупостей. Ты для меня больше ничего не значишь, - рычит Богдан, а сам взглядом испепеляет. Раньше, в пылу ссоры, он всегда смотрел на меня так, прежде чем наброситься, словно оголодавший зверь. Тогда мы «мирились» бурно, долго и не один раз. Но сейчас мы – враги и ничего больше между нами нет, кроме обид и ненависти. Только дети связывают. Так ведь?

- Как и ты для меня, - возвращаю Исаеву его же слова и тот вспыхивает еще больше.

Мы сцепляемся взглядами, как будто смертный бой ведем и, несмотря на риск погибнуть, никто не собирается уступить.

- Тебе стоило сделать вид, что ты ничего не видела, Снежана. Мудрая женщина бы закрыла глаза на маленькую слабость мужа, зато сохранила бы семью, - хрипло цедит он.

- Это твой новый принцип? Приобрел его сразу после «я никогда не изменю, считаю это низостью»? Забавно, что ты говоришь прямо как моя мать. И как Лиза. Неплохо она тебя перевоспитала, скоро команду «к ноге» выучишь и тапки начнешь в зубах приносить, так хорошо дрессуре поддаешься, - насмешливо выгибаю я бровь.

Исаев рычит угрожающе, хватая меня за плечи и встряхивает. Раньше я так не дерзила мужу, мне бы даже в голову не пришло сказать ему что-то резкое или высмеять. Но я больше не та Снежана, что была раньше – теперь я стою сама за себя, защищать меня некому. Прятать голову в песок больше не моя тактика.

Жду, что Богдан продолжит перепалку, но он отпускает меня и отступает на шаг. Одного взгляда достаточно, чтобы понять – он зол до такой степени, что едва себя контролирует.

- Я все сказал. Попытаешься кому-то рассказать, поднять шумиху, пожаловаться – выбора у тебя больше не останется. Вылетишь из моего дома и без денег, и без детей. Спокойной ночи, - издевательски добавляет он и выходит из кухни, печатая шаг. Входная дверь с грохотом хлопает и короткое пиликанье оповещает о том, что замок заблокировался.

Грудь передавливает, воздух со свистом проникает в легкие и, с трудом глотая его, я хватаюсь за столешницу пальцами, чтобы не упасть. Все внутри пылает, но плакать я не могу, больше нет сил.

За что, за что он так со мной? Я скулю тихо, комкаю футболку на груди и только чудом не сгибаюсь пополам. После всего, через что мы вместе прошли, предлагать мне буквально стать няней у собственных детей, видеть их только когда Богдан позволит – разве это нормально? Не низость? А если ему надоест, он может попросту выгнать меня на полгода и сказать, что имеет на это право. И как все это будет выглядеть? На моих глазах Исаев начнет учить малышей мою сестру второй мамой называть?

Я сползаю вниз, притягиваю к себе колени и утыкаюсь в них лбом. Раньше для Богдана семья была чуть ли не священна, а теперь... теперь я не вхожу в круг тех, кого он называет «семьей». Но даже если так, разве это дает ему право растаптывать меня и мстить неизвестно за что? Но ладно, пусть со мной делает, что захочет, но дети... мои дети! Что же мне придумать, как мне сделать так, чтобы никто их у меня не отнял??

Глава 11

Всю ночь я глаз не могу сомкнуть. Пытаюсь придумать, что мне делать, как спасти своих малышей. Может мне и нужно было сообщить Богдану новость о том, что он станет отцом, как-никак он тоже очень хотел им стать, раз каждый раз соглашался на новую попытку ЭКО, проходил обследования вместе со мной и тратил уйму денег на это. Может и правда жестоко было лишить его возможности видеть, как растут крохи, как начинают ползать и делают первые шажочки... Но обида до сих пор слишком сильна. Я ничего не могу с ней поделать. Если бы все случилось снова, я бы поступала так, как и раньше, разве что оформила развод поскорее и больше бы никогда не вернулась в родной город. Может я и жестокая, но мне невыносимо даже думать, что в момент такой огромной радости – появления на свет долгожданных выстраданных малышей, – рядом был бы виновник моих мучений.

В любом случае, вспять время уже не повернуть, а значит нужно думать, что делать с тем, что уже есть. Исаев не отступится, я знаю его. Он за мной чуть ли не год ухаживал, хотя я и пыталась отвадить настойчивого ухажера. Но его мои отказы только раззадоривали и каждое утро под дверями маминой квартиры появлялись букетики, сладости или мягкие игрушки. Даже моя мама растаяла быстрее, но я все еще да-

же на свидание не соглашалась. Было страшно и просто-напросто в голове не укладывалось, что такой видный жених, из богатой семьи, который еще и бизнес ведет, вдруг позарился на меня!

Мама всегда говорила, что я звезд с неба не хватала, а когда в детстве я впервые влюбилась в мальчика в шестом классе, она только грустно улыбнулась и погладила меня по голове. Сказала лишь, чтобы я не расстраивалась. «Пусть ты и не красавица, зато смышленная и хозяйственная». Мол, точно кому-нибудь когда-нибудь понравлюсь своей душой. Это ранило так сильно, что я какое-то время вообще от зеркал глаза отводила. А здесь статный красавец с пронзительными глазами, шикарный брюнет – и вдруг говорит, что я красивая. Естественно, я не верила. Тем более что Лиза вздыхала и жаловалась маме, мол, даже эта (как будто имени специально не называла, только «эта») жениха нашла, а за ней никто не ухаживает.

«Да ясно же, что ему надо. Он же в курсе, что серые мышки быстрее влюбляются, с тобой и возиться не надо. Поматросит и бросит» - фыркнула как-то сестра, когда я попыталась сказать, что вроде бы Богдан хороший парень. Конечно же все эти слова не могли не отложиться у меня в голове. Когда тебе отовсюду говорят, что ты дурак, поневоле поверишь...

В общем, тогда Исаеву пришлось изрядно помучиться. Но когда я влюбилась по уши, все чужие слова просто пролетали

мимо ушей, ничего на меня не действовало, и я тайком бежала на свидания. Боялась, что сестра права, но сердце уже пропало. А спустя полгода Богдан вообще сделал мне предложение и злобные фырканыя Лизы, которая каждый вечер глаза закатывала только и сулила, что вот-вот и он меня бросит, перестали иметь всякое значение.

Но теперь Исаев со мной по разные стороны баррикад. Против меня, вместе с Лизой. Интересно, как моя младшая сестренка относится к перспективе стать мамой для своих племянников? Она ведь детей терпеть не может, не говоря уже об их воспитании. Может быть тут лизино нытье только поможет мне? Она поноет Богдану, как она не готова, что рождена для другого и тот все же изменит решение... Видеть сестру больше не хочется, но, похоже, встретиться нужно. Пусть настраивает Исаева против детей, чтобы он отказался. Только бы из дома вырваться...

Со вчерашнего вечера, с момента, когда ушел Богдан, я думала, думала, думала. Заснула лишь под утро, вымотавшись от усталости. А уже через два часа меня разбудили малыша. Хорошо хоть додумалась убрать в холодильник принесенный вчера Исаевым ужин – сейчас ни сил готовить не было, ни возможности. Да и все, что в доме есть – та самая распечатанная коробочка спагетти. Немного разогрев в микроволновке еду, я наскоро перекусила. Вот прямо действительно на бегу, потому что ловила близняшек то тут, то там.

С тех пор, как Лера с Максом почти одновременно научи-

лись ходить в девять месяцев, они постоянно куда-то топали. Сначала совсем неумело и робко, но вот уже сейчас, в год и три месяца, пусть и медленно, падали, но снова поднимались и упрямо шли, куда им там нужно по своим детским важным делам. Вроде глядишь – вот они, отвернешься на секундочку – исчезли! А сейчас так вообще мука – детского уголка нет и в помине, игрушек я взяла немного с собой, ни манежика, ничего нет, чтобы занять малышей хоть ненадолго и банально в туалет сбегать на две минутки. Еще и квартира эта ну совершенно не приспособлена для детей! Куча стекла, каких-то тяжелых безделушек, которые ребенок может на себя опрокинуть, мелкие детали декора, которые может проглотить. И в гостиной окна панорамные! Я все понимаю, красиво, да и стекло наверняка крепкое, но стоило увидеть, как Максим к нему подползает, встает на ноги и стучит ручкой, как у меня сердце чуть не остановилось.

Ближе к десяти утра в прихожей слышится хлопок двери и в гостиной появляется Казимир. Он окидывает взглядом комнату и как-то понимающе вздыхает.

- Вы не спали, Снежана Олеговна?

- А такие вопросы входят в перечень твоих обязанностей? – огрызаюсь я раздраженно.

В зеркало я себя не видела, но прекрасно понимаю, как со стороны выгляжу. Наверняка круги под глазами от недосыпа и переживаний и лицо бледное. И в подметки ухоженной Лизе не гожусь.

- Может быть вам помочь? – проигнорировав грубость, спрашивает Казимир.

- Что, выпустите меня отсюда? – спрашиваю со злой иронией.

Охранник молча мотает головой из стороны в сторону.

- Вот и отстаньте.

- Вам точно ничего не нужно? – настаивает мужчина, но я его игнорирую.

Тяжело вздохнув, Казимир уходит.

Меня едва хватает на то, чтобы дожить до обеда, а когда засыпают близняшки, я ваюсь рядом с ними, не чувствуя ног от усталости. Этот двухчасовой сон как живительная вода для организма и после него самочувствие становится гораздо лучше. После кормления малышей я расстилаю на полу плед и сваливаю на пол все игрушки, что привезла с собой. Пока Лерочка с Максом отвлекаются ненадолго, у меня есть каких-то пару минут, чтобы наконец изучить выданный Казимиром смартфон. Связаться ведь хоть с кем-нибудь нужно.

Я выуживаю телефон из кармана джинсов, без труда разблокирую, просто проведя пальцем по экрану и по памяти набираю мамин номер. Включаю громкую связь, но в динамике даже гудков не слышно. На всякий случай я пробую даже 112 набрать, но и экстренные вызовы попросту не проходят. Не знаю, каким образом это удалось сделать, однако факт остается фактом – позвонить никому позвонить точно

не получится.

Казимир еще говорил, что возможность выйти в интернет в смартфоне заблокирована, но я все равно проверяю сеть. Пробую подключиться к любому доступному вай-фаю, но всюду для подключения запрашивают пароли. Лишь после этого включаю передачу данных. Набираю в адресной строке «адвокат споры о детях Москва», но вместо результата получаю просто пустую страницу с надписью «нет подключения к Интернету».

- Вот же черт, - ругаюсь под нос.

Похоже, толку от обычного интернета ноль. Но может, если попробовать подключиться к какому-нибудь общественному вай-фаю, то хоть кому-то я сумею написать? Осталось только его найти.

Решение приходит само собой, ведь с малыми нужно погулять. На прогулку я выхожу обязательно каждый день, знаю, что свежий воздух для них просто необходим, поэтому сразу же набираю Казимира. В отличие от других номеров, на этот вызов срабатывает и гудки идут.

Едва мужчина берет трубку, я тут же требую:

- Мне нужно погулять с детьми.

- Конечно, Снежана Олеговна, - соглашается охранник, - сейчас буду.

Без всяких пререканий и отговорок. Казимир появляется в квартире спустя буквально минуту, я даже комбинезоны принести не успеваю.

- И что, вы вот так просто на улицу меня выпустите? Не боитесь, что сбегу? – ерничаю я вместо приветствия, едва только мужчина входит в спальню, где я ночевала вместе с детьми.

- Вы не сбежите, Снежана Олеговна. За вами на прогулках буду присматривать не только я.

Надежды на то, что я куда-то вдруг исчезну с неповоротливой двухместной коляской из-под носа этого вездесущего надзирателя не было, но все равно слышать такое не по себе.

- К тому же, - продолжает Казимир, - думаю, Богдан Алексеевич уже все вам разъяснил по поводу контакта с кем-то или скандалов. На улице тоже привлекать внимание и закатывать истерики не стоит. Просто советую, - заметив, как нехорошо блеснули мои глаза, поднимает руки в примирительном жесте он.

- Засуньте эти ваши советики, - шиплю я, - сами знаете, куда.

- Я всего лишь выполняю свою работу, Снежана Олеговна, - качает головой Казимир, - надеюсь, вы сможете договориться с Богданом Алексеевичем. Вам помочь? – Спрашивает, увидев, как я пытаюсь безуспешно одеть в комбинезон хныкающего Максимку. Он просто ненавидит собираться на прогулку, елозит, пытаясь вырвать ручки из рукавов, дрыгает ногами. Зато потом с улицы не утащишь!

- Да, пожалуйста, - отдуваясь, киваю.

Сейчас не до гордости. После стресса и недосыпа сил не

так много, как хотелось бы, поэтому помощь не помешает. Как это ни странно, с виду неповоротливый и огромный Казимир с детьми управляется очень ловко.

- А кто это тут такой вредный? Мы же гулять идем, Максимка! Гу-ля-ть! – по слогам произносит он. Даже немного забавно слышать, как он пытается сюсюкать своим басовитым тоном.

Не знаю, почему, но это вдруг срывается. Малыш отвлекается на незнакомого человека и я быстро застегиваю молнию комбинезона.

- Еще мне нужна еда для малышей. Я брала с собой всякое детское питание, но у меня осталась всего пара баночек, большую часть ребятишки подъели в дороге. Мы в пути были несколько суток, - поясняю зачем-то. – Еще нужны памперсы.

- Без проблем. Напишите, что нужно и я все привезу, - кивает Казимир, подхватывая Максима на руки.

Он помогает усадить детей в коляску, выкатить ее и лишь на улице я уже сама ее толкаю перед собой по тротуару.

- Тут есть парк поблизости? – задаю я вопрос, оглядываясь по сторонам.

- Да, конечно. Сейчас на выходе со двора повернем направо и там чуть дальше будет парк.

- Отлично.

Я шагаю по тротуару, Казимир держится чуть в сторонке, примерно в шаге сбоку от меня.

- Простите, Снежана Олеговна, - вдруг говорит охранник, - это не мое, конечно, дело, но... вам не страшно было с такими маленькими и в такую дальнюю дорогу отправляться? Еще и одной? В поезде... а если какая гоп-компания попала бы, которая шумела и буянила? Или детям бы помощь медицинская понадобилась?

- Мы ехали в гости к маме. Все не так страшно, как вы расписываете.

- Разве сама она приехать не может к вам? – удивляется Казимир. – Все же дети и правда маленькие для такого путешествия. Еще и двое.

- Она педиатр. Сейчас так много болеющих, весна же, сами понимаете, - пожимаю я плечами, - ей никак не вырваться. Вот мы и ехали знакомиться.

- Знакомиться?

- Да. До этого я посылала фото, а теперь малышей хотела с мамой познакомить вживую.

- Неужели она к вам не приезжала? Даже перед родами?

- Она хотела, - оправдываюсь зачем-то, словно это моя вина, что так получилось, - просто роды начались чуть раньше срока запланированного.

- А потом?

- Она... не могла приехать, болела, ездила в санаторий восстанавливаться, - выдавливаю негромко.

Помолчав недолго, Казимир хмыкает:

- Я думал, она вам первое время помогала... Мы с женой к

нашему первенцу даже подойти боялись сначала, у нас теща полгода жила. – Этот суровый мужик при воспоминании о своей семье улыбается, как мальчишка, даже морщинки от того, что вечно хмурится, разглаживаются. – А у вас мама вообще педиатр, странно, что вот так вышло.

На моих губах, в отличие от Казимира, даже тени вежливой улыбки не появляется. В сердце будто толкает что-то, когда кусочки паззла медленно складываются в голове.

Хмурюсь еще больше. Мне неприятно, но не от расспросов, а от того, сколько открытий я для себя совершаю. Я ведь не задавалась раньше такими вопросами, для меня такое отношение мамы было просто... нормальным? Большого я никогда не видела. Мне не шли на уступки, ради моих школьных выступлений и моих болезней мама не уходила с работы... наоборот, это был повод больше домашних обязанностей скинуть на меня – я ведь осталась дома и бездельничаю.

- Что, за год не нашла времени приехать и сама внуков повидать? Вместо этого к себе вас позвала? В сезон-то простуд? – Мягко спрашивает Казимир, будто подталкивая к очевидному выводу. Выводу, который я всегда старалась упорно не замечать, потому что слишком больно признать правду.

В груди давит болезненно. Я ведь действительно сорвалась сама, своих крошек сорвала, так хотела маму увидеть. Я там совсем одна жила, подругами не обзавелась новыми, да и времени на это не было. Тосковала очень. Когда малые впер-

вые заболели, я плакала маме в трубку, настолько от усталости чуть не падала. Да и страшно было ужасно, думала, она придет, поддержит.

«Сама в такую глухомань забралась, я разве виновата? Я деньги еще полгода назад за путевку внесла, мне их назад не вернут, манюнь, сама понимаешь. Я попозже приеду, обязательно».

Я всегда к маме тянулась, всё детство – уроки сделаны, гуляю строго до восьми, дом всегда вылизан, посуда помыта. Грамоты за конкурсы, олимпиады, соревнования – всё стремилась хоть одно доброе словечко заслужить. А Лизе стоило однажды полы подмести и сразу «ты моя лапочка, мамочки-на помощница, какая молодец». Я ей так завидовала... хотелось на ее место, чтобы меня мама так обняла и расцеловала, чтобы я тоже для нее была умница. Просто так, а не «могла бы еще ужин приготовить, все равно дома из-за простуды и ничем не занята».

- Простите, я лезу не в свое дело, - поспешно извиняется Казимир, заметив, видимо, что молчание с моей стороны затягивается.

- Нет-нет. В смысле, да, но вы все правильно говорите, - хрипло бормочу я и от горечи на кончике языка расплакаться хочется.

Мне так маминой любви и заботы до сих пор не хватает, что я сама не осознала, как ради нее здоровьем своих детей чуть не пожертвовала. Хорошо, что малыши нормально пе-

ренесли дорогу, иначе я бы себе никогда не простила такой глупой оплошности. Какой же я слепой все это время была... до сих пор стараюсь выслужиться, лишь бы хоть кроху любви от мамы получить.

- Просто мама такая, - я стараюсь улыбнуться, но выходит плохо и наверняка жалко, - она очень занятая, так что... вот...

- Да, конечно, - торопится согласиться Казимир, наверняка понимая, какая это очевидная ложь.

Для нас обоих правда ясна, как день, но я все равно внешне делаю вид, что все хорошо. Это только моя боль, мне нельзя проецировать ее на других, тем более на моих ребятишек. Да и... я ведь уже решила, что лучше не бежать от правды и не прятать голову в песок. Сталкиваться с реальностью оказалось очень больно, но лучше так, чем продолжать жить в своих розовых очках и позволять собой пользоваться. Так больше не будет. Ради моих детей придется сжать зубы и стать сильнее, как бы внутри маленькой девочке Снежане не хотелось свернуться калачиком и плакать.

Глава 12

Я шагаю по тротуару, толкая перед собой коляску, полностью погрузившись в мрачные мысли. Пытаюсь вспомнить, вытащить из памяти, как мама реагировала на то, как я прибежала к ней со своей болью, как рыдала ей в коленки, а она меня утешала. Надо вспомнить от и до, воссоздать весь разговор, как бы тяжело ни было. Надо понять, на чьей она стороне. Сердце сиротливо сжимается. Я боюсь очевидного ответа, ведь Лиза ее любимица. Всегда ей была и будет.

- Снежана? Снежанка Исаева, ты что ли? – вдруг раздается рядом громкий окрик.

Я вздрагиваю всем телом от неожиданности и перевожу опешивший взгляд на выросшего будто из ниоткуда рядом мужчину. Какой-то высокий тип в кашемировом пальто хочет, заграбастывая вдруг в медвежьи объятия, и стискивает так, что дышать становится тяжело. Я даже рассмотреть толком лица не успеваю и в замешательстве не сразу пытаюсь оттолкнуть. А когда уже хочу отпрянуть, мужчина сам отступает и я быстро его осматриваю.

Массивный подбородок, покрытый легкой щетиной, зачесанные назад волосы в модной прическе, смеющиеся карие глаза. Конечно я его узнаю – это же давний друг Богдана, лучший даже, можно сказать! Максим Акерман. Исаев познакомил нас еще до свадьбы, притащив первым делом к

нему на смотрины, а не к матери. И с тех пор Макс часто бывал у нас в гостях, пока спустя пару лет после нашей свадьбы не укатил за границу. Потом мы почти не общались, лишь когда по видеосвязи Богдан разговаривал с ним пару раз, я заглядывала в экран, чтобы перекинуться парой слов.

- Максим?! – восклицаю удивленно и улыбка сама собой расцветает на губах, - как давно я тебя не видела!

- Да уж, сколько мы, лет пять уже не встречались? А ты не изменилась почти, похорошела только еще больше. Правильно говорят, что дети только украшают женщину, - шутит он.

- Вроде бы так говорят только про беременность, - смеюсь я.

- Уверен, тебе и то, и другое к лицу, - Макс улыбается и бросает взгляд на коляску, - так вы наконец обзавелись детьми с Богданом? Поздравляю, - на секунду мне кажется, что в его голосе слышится нотка печали, - двойняшки сразу, да?

- Близняшки, - поправляю я с гордостью. Ну а что? Каждая мама гордится здоровыми крепкими малышами, тем более близнецами. Это же как целых две медальки на груди!

- О! Мальчики?

- Мальчик и девочка.

- Ну как по заказу, - качает головой Макс, - сколько им?

- Год и три месяца.

Акерман заглядывает в коляску, слегка касается кончи-

ком пальца носика Лерочки и та улыбается незнакомцу радостно и задорно.

- Красота какая, просто прелесть. На Исаева похожи очень.

Я лишь тихо хмыкаю. Что правда, то правда, этого не отнять, к сожалению.

- А ты как? Давно вернулся? Не понравилось за границей?

- Не поверишь, Снежан, на Родину тянуло, - разводит руками Макс, - сначала нормально жил, кутил, работал, но потом хоть вой. Вот и вернулся, уже полгода как. Открыл здесь юридическую клинику, дела потихоньку, но в гору идут. Да что мы тут стоим, давай в кафе зайдем какое поблизости. Поговорим нормально, кофе попьем.

Акерман озирается по сторонам, подыскивая хоть какое-то заведение, но я отказываюсь:

- Нет, не могу. Я прогуляться с детьми вышла, в помещении жарко будет, простынут еще потом, когда опять на улицу попадут.

- Ну... ладно, хорошо. Заеду тогда к вам с Богданом сегодня, ждите в гости. Вы ведь там же живете, по старому адресу? Ох, я все раньше приехать хотел, да замотался, то одно, то другое, сама понимаешь... - виновато улыбается он.

Я оглядываю Акермана озадаченно. Неужели тот не в курсе главной новости в жизни друга? Или для Богдана я давно перестала быть значимой? Настолько, что он даже другу лучшему о том, что мы расстались, не говорил.

- А что, Исаев не сказал тебе? Мы разводимся.

Максим замолкает и, судя по его потрясенному виду, услышать эту новость он явно не ожидал.

- Да ну... ты серьезно что ли? – изумленно выдавливает он и ругается, - черт, глупый вопрос, извини. Но... у вас же дети, - Макс переводит взгляд на коляску и осторожно спрашивает: - Помощь тебе нужна?

Взгляд мужчины вдруг становится подозрительным, он переводит его на стоящего в шаге от нас Казимира. Тот хоть и держится чуть поодаль, чтобы не мешать разговору, но все же стоит достаточно близко, чтобы все слышать и контролировать.

Я даже не успеваю ответить, как Макс задает новый вопрос:

- Это кто? Водитель? Или...

- Это не любовник, если ты об этом, - поджимаю я губы. Даже одно предположение об этом из уст старого знакомого слышать неприятно.

- Я бы никогда о таком не подумал даже, Снежа, - серьезно смотрит на меня Акерман и вдруг задает тот самый вопрос, от которого сердце гулко ударяется в ребра: - все в порядке?

Сглатываю гулко и мой взгляд, видимо, такой говорящий, что Макс подбирается.

- Ты кто такой? Богдан приставил? – Сурово зыркает в сторону Казимира.

- Я охранник. Помогаю Снежане Олеговне и присматри-

ваю за ней по просьбе Богдана Алексеевича.

- Присматриваешь, ага, - цедит Макс, словно пометку мысленно делая.

- Снежана Олеговна, нам пора, - словно чувствуя, что запахло жареным, Казимир переводит на меня взгляд и произносит с нажимом, - давайте я вам помогу.

Он забирает из рук коляску и, взяв меня под локоть, тянет за собой, уводя от единственной, похоже, возможности попросить помощь. Я делаю несколько медленных шагов. Что мне делать? Исаев разозлится, если я обращусь к его некогда лучшему другу? Он ведь угрожал, что я пожалею, если хоть кому-то расскажу...

- Эй! А ну постойте, куда вы ее уводите?! – возмущается Акерман.

Я слышу за спиной его громкие четкие шаги и у меня сердце отбивает ритм им в такт.

- Отделайтесь от него быстро, иначе я доложу Богдану Алексеевичу, - рыкает вполголоса Казимир. От былой вежливости и следа не остается. Что бы он ни говорил, как бы ни показывал свою лояльность – ясно, что он служит одному человеку и верен ему будет до конца.

- Снежана, все в порядке? – Макс догоняет нас, перехватывает мою руку, не давая увести.

Казимиру приходится остановиться и выпустить мой локоть. Он точно не хочет привлекать ненужного внимания, только взглядом меня прожигает, что даже без лишних слов

ясно становится — ляпни я что-нибудь лишнее, и все, мне конец. Больше можно не надеяться на какие бы то ни было переговоры. На стороне Богдана сила и деньги, он может выставить меня за дверь и я ничего ему не сделаю. А пока привлеку хоть какое-то внимание, пока добьюсь суда, детей уже могут увезти и все будет кончено.

Я стараюсь дышать ровно. Бросаю быстрый взгляд на коляску, где копошатся Лерочка с Максимкой, и перевожу ее на Акермана.

- Да. Да, все нормально, - улыбаюсь через силу.

- Уверена? — он вглядывается в мои глаза, словно малейшую эмоцию считать готов.

- Конечно! — смеюсь я непринужденно, - Макс, ну ты чего? Все у меня хорошо. Если что, звони Богдану, вдруг он пригласит тебя в гости? Наверняка будет рад тебя видеть. Мне пора, прости. Была рада повидаться!

Я хватаюсь за ручки коляски и толкаю ее вперед. Знаю, Казимир идет рядом и может заметить, поэтому стараюсь вести себя естественно. Мне нельзя открыто просить о помощи. Нельзя, иначе лишусь не только детей, но и даже возможности их видеть.

Но и просто так уйти не могу. Казимир сейчас так поглощен тем, чтобы я не сказала лишнего, что даже не замечает, как я вытаскиваю из кармана пальто телефон, что он мне дал, и роняю его в снежную кашу на тротуар. Сейчас это единственный сигнал, который я могу дать, и надеюсь, что Макс

его распознает. Блокировки на смартфоне нет, нужно будет лишь потратить немного времени, чтобы понять, что вызовы там заблокированы, а один из последних совершенных звонков был на экстренный номер службы спасения.

Сердце колотится бешено, как пойманная в клетку птица о прутья. Внешне ничего не происходит, я все так же качу коляску вперед, но от адреналина становится жарко.

- О, здесь есть детская площадка! Вон там, видите? Идемте туда! – тыкаю я вперед на горку, что так удачно замечаю впереди, отвлекая Казимира.

Лишь когда мы оказываемся на детской площадке и я опускаю на ножки сначала Макса, а потом и Леру, а потом присаживаюсь перед ними, позволяю себе слегка повернуть голову в сторону входа в парк, где мы столкнулись с Акерманом. И где-то внутри расцветает надежда – он все еще стоит там, ровно на том месте, где я и выронила телефон.

Совсем крохотная, призрачная надежда на помощь повышает настроение настолько, что я еле подавляю ликующую улыбку. Лишь еще больше хмурю брови, стараясь не выглядеть слишком подозрительной. Через несколько минут, когда я уже открыто перевожу взгляд на вход, Акермана уже нет.

Я глубоко вдыхаю и выдыхаю свежий весенний воздух. Я готова молиться каждую минуту, чтобы эта надежда не оказалась пустой.

Глава 13

После того, как я укладываю детей вечером, решаю обойти квартиру и хоть рассмотреть нормально, что она из себя представляет и насколько хорошо обжита. Хотя, судя по тому, что на кухне отсутствуют элементарные кухонные принадлежности и почти нет посуды, очевидно, что бывают здесь не так часто. Ну или просто Лиза не утруждает себя готовкой – ее же не для этого мама рожала, как она сама любила раньше говорить. Сомневаюсь, что в этом ее мнение как-то поменялось.

Я насчитываю целых пять комнат, в двух из которых сделан совсем свежий ремонт и даже немного пахнет краской. Правда, они совершенно пустые, даже штор нет. Разве что жалюзи отсекают яркий дневной свет. Останавливаюсь посреди безжизненно-белой комнаты и с высоты смотрю на открывающийся вид, огоньки от машин, окон других домов. Красиво, этого не отнять... Наверное летними вечерами здесь особенно хорошо, когда закатное солнце освещает всю комнату и она заполнена теплым ласкающим светом.

Сейчас, оставшись наедине со своими мыслями, я наконец могу подумать нормально о нашем с Богданом разговоре. Вокруг тишина, никто не помешает, но сколько я ни прислушиваюсь к себе, пытаюсь докопаться до эмоций, внутри царит такая же глухая пустота, как и вокруг.

Исаев изменил мне и сам же признался в этом. Если сперва увильнул от ответа, то потом, когда я буквально прижала его, хотя бы отпираться не стал. И получив правду, такую неприглядную и болезненную, я будто успокоилась. Всё, ничего уже не изменишь. Как ни беги, этот факт навсегда стал частью нашего с Богданом брака. Одно только в голове не укладывается – неужели, когда все тебя устраивает дома и в жене, возможно просто случайно с кем-то переспать? Мне даже мысли такой в браке не приходило. Более того, я и представить такую ситуацию не могу, чтобы, оставшись наедине с каким-нибудь знакомым Исаева, пусть и в подпитии или уставшая, взять и прыгнуть к нему в койку.

«Ты же знаешь, как это бывает».

Вот и все. Ни извинений, ни сожалений, ничего. Так бывает.

Еще хуже, что Лиза после всего, что случилось, тоже виноватой себя не считает. Держится так, будто я перед ней извиняться должна, что, мол, появилась внезапно в ее жизни с детьми, вместо того чтобы закопаться где-нибудь и не отвечивать. А мама? Она ведь меня на отъезд и надоумила когда-то. «Поезжай, доченька, с глаз долой из сердца вон». Отправила меня куда подальше и думать забыла. Наконец-то дочь нелюбимую сплавила с этих самых глаз.

Я стираю поспешно выступившие слезы. Все это время я думала, что пусть сестра бесстыжая, но мама-то у меня есть. Любит меня по-своему, пусть не так тепло и ласки меньше,

но просто такой вот она человек. А что в итоге?

Сейчас я ощущаю себя так, будто после долгого сна у меня наконец глаза открылись. Какая же я дура! Может мама меня сюда и заманила, сказав, что в городе Исаева и Лизы не будет? Но зачем? Сестра детей на дух не переносит, да и она эгоистка, ни за что не допустит, чтобы ее мужчина любил кого-то, кроме нее самой. Или... маму совесть замучила? Поэтому вдруг Богдан оказался в том месте в такое подходящее время?

Фыркаю недоверчиво под нос. Сама этой версии не верю. Впрочем, плевать сейчас на это все. Сейчас главное совсем другое, с остальным буду разбираться потом. Телефон я незаметно, конечно, выкинула, но не факт, что Максим поймет все правильно. Надо еще что-то...

- Снежана? – раздается приглушенный голос со стороны прихожей.

Зажмуриваюсь и стискиваю кулаки. Я этот тембр из тысячи узнаю, будь он проклят. Исаев явился. Меня такая злость берет, что я едва зубами не скриплю. Приехал, привез первой жене еду, а потом ко второй побежит. Султан, мать его.

Выхожу в прихожую, бегло осматриваю ее. Помещение все заставлено коробками, игрушками, какими-то пакетами. Мой взгляд перемещается с них на Богдана – он как раз заносит из тамбура последние пакеты, забитые, похоже, едой, и закрывает дверь. Молча прожигаю в нем дыру.

- Это стульчики для кормления, - как ни в чем не бывало,

поясняет Исаев, тыкая на две продолговатых коробки, - сейчас разденусь и соберу их.

- Вижу, что стульчики, - цежу я и складываю руки на груди, - что, серьезно надолго решил меня здесь оставить?

- Могу унести, если тебе удобно без них детей кормить, - вместо ответа набычивается он.

Мы сверлим друг друга недобрыми взглядами. Богдан ведь прекрасно понимает, что мне тяжело справляться одной с близнецами и даже кормить их не так удобно сейчас, как с этими треклятыми стульчиками. Не говоря уже о том, что сажать их на обычные просто небезопасно – они ведь постоянно на что-то отвлекаются и рискуют свалиться вверх тор-машками.

- Богдан, - имя почти бывшего мужа из моих уст сейчас звучит тяжело и весомо, без каких-либо ноток радости, что были раньше. Хватит. Я больше не позволю собой пользо-ваться или помыкать.

Исаев вскидывает подбородок выше, пробивает глазами хищно.

- Пошел. Ты. – Произношу отдельно и с внутренним удо-влетворением наблюдаю за тем, как лицо мужчины вытяги-вается от удивления.

- Что ты сказала?

- Я сказала: пошел ты, - даже договорить ему не даю, - со своими стульчиками, игрушками или что ты там еще припер. Можешь тащить это все своей Лизе, с которой вы весело ку-

выркаетесь до сих пор, и задаривать ее. Готовиться к будущему совместному ребенку, если он будет.

- Не будет. Я больше не могу иметь детей.

Кажется, признание дается Исаеву нелегко.

- Какая жалость, - хмыкаю я.

Это неправильно, но я ощущаю внутреннее удовлетворение. Бумеранг все-таки существует и прилетел обидчику прямо в его наглую морду.

- Я и не ждал от тебя сочувствия.

- А ты его заслужил? – иронизирую, - После всего, что сделал?

Исаев хмурится, трет переносицу.

- Послушай... я поступил как настоящий козел, это правда. Я не прошу меня простить, знаю, что это невозможно. Просто... давай хотя бы ради детей все решим более-менее мирно.

- О, как благородно! Ты говоришь это, а потом угрожаешь отнять их!

- Ничего этого не будет, если мы договоримся полюбовно.

- Полюбовно, по-твоему, это как? Я должна оставить своих детей тебе на воспитание и быть рядом с ними приживалкой? Чтобы, если твоя левая пятка захочет или Лиза надумит, ты меня сразу же выставил из дома?

- Хватит пенять мне Лизой. Мы с ней не живем вместе, - рычит Богдан.

- Да какая, к чертовой матери, разница?! Это ведь не ме-

шает тебе с ней спать.

- Мы не спим, - признается он глухим тоном, - за два года это случилось лишь пару раз.

- Мне тебя поздравить с этим фактом или посочувствовать?

От былой понимающей Снежаны и следа не осталось. Теперь вместо нее язвительная особа, которая за словом в карман не лезет. Мою ярость питает жгучая обида, а еще злорадование. Лиза мне недавно пеняла, что я, мол, их с Исаевым счастье не могу ей простить, а оказывается и нет ничего. Встретиться за два года переспать пару раз – это даже отношениями назвать язык не поворачивается. Выходит, не так уж и безоблачно Лизино счастье, построенное на нашем разрушенном браке.

Но все это лишь со слов Богдана, так что сказанное нужно делить как минимум надвое. Больше я всяким рассказням не поверю, тем более он вполне может врать. Зачем? Да хоть чтобы расположение заслужить – смотри, какой я молодец, всего два раза в койку сестренку твою затянул, а мог бы и каждый день. Ну просто благородный рыцарь.

- Я жалею обо всем, что натворил, - внезапно огорошивает Исаев.

А вот это признание обезоруживает. После наших перепалок, после всего, что случилось, я уже как-то свыклась с мыслью, что никакого раскаяния не будет, даже пары слов я не заслужу таких.

- Ты... что? – даже переспрашиваю, потому что поневоле кажется, что ослышалась.

Богдан морщится, как от боли, смотрит на меня исподлобья. Долго, мучительно долго. Кажется, я воочию вижу, как ему выворачивает душу – ох, не привык господин Исаев встать и просить прощения, совсем не привык.

- Я жалею о том, что сделал. Довольна теперь? Или еще повторить? – Спрашивает так, словно я его извиниться вынудила, причем как минимум приставив пистолет ко лбу.

- Ясно... - бормочу я. – Да нет, Богдан. Твои извинения уже ничего не исправят.

Он сцепляет крепче зубы, так, что желваки по скулам ходят, смотрит не на меня, а в пол. Неужели ожидал какого-то другого ответа? Когда Исаев поднимает взгляд и наши глаза встречаются, в них столько всего, что я даже теряюсь. Боль, злость, опустошение, горечь.

Богдан перешагивает коробку, лежащую под ногами, оказывается вдруг рядом, слишком близко. Непозволительно, учитывая, что мы теперь чужие друг другу люди. Я застываю, широко распахнув глаза. Не станет же он... не посмеет, не должен...

Кажется, что вот-вот наши губы соприкоснутся, но в последний момент он делает шаг в сторону и огибает меня. Я растерянно смотрю в его спину.

- Куда ты? – обескураженно.

- К детям, - бросает глухо через плечо.

- Они спят уже, - отрезаю я и фыркаю, складывая руки на груди, - раньше надо было приходить.

- Я хотя бы просто посмотрю, - бурчит Богдан.

- Близняшки спят слишком чутко, не надо их тревожить. Если хочешь посмотреть на детей, приезжай, когда они не спят.

Исаев разворачивается на пятках, пробивает снова взглядом насквозь. Я прекрасно помню, насколько он взрывоопасен. Отца у него не было и Богдан всегда всё пытался контролировать, продумывал все возможные варианты развития событий. Что бы ни случилось, у него всегда был план. Ему просто жизненно необходимо ощущать это чувство контроля, что он хозяин жизни, держит руку на пульсе и всё идет в точности так, как он и запланировал.

Сейчас, видимо, Исаев в полном раздрае от случившегося. Внезапные дети и бывшая жена, свалившиеся как снег на голову, пошатнули всю выстроенную стратегию, выбили из колеи. Меня это даже забавляет. Наконец-то хотя бы не я одна чувствую, что у меня почва из-под ног разом ушла, как в невесомость выбросило.

Не знаю, сколько бы мы еще прожигали друг в друге дыру взглядами, но Богдан вдруг складывает руки на груди и огорошивает вопросом в лоб:

- Ты спала с Максом?

От изумления я даже рот приоткрываю и не сразу понимаю, о каком именно Максе речь.

- Что? – выдавливаю через силу.

- Ты спала с моим лучшим другом? Максом Акерманом?
– раздраженно переспрашивает Исаев и цедит, глядя на меня тяжелым жестким взглядом, - Это в честь него ты назвала моего сына?

Это предположение настолько внезапное, что с губ сам собой срывается смешок. Я все еще не до конца верю, что Богдан не шутит, а спрашивает всерьез. Но Исаев от моей реакции мрачнеет еще больше, давит своей агрессивной аурой.

- Ты это серьезно? – все же фыркаю я, не выдержав, - Я с ним общалась последний раз, когда вы по телефону созванивались, и то лишь «привет» сказала. Ты же сам знаешь, что Макс уехал, когда мы еще в браке были.

- Разве это помеха?

Объяснение бывшего мужа, кажется, вообще не устраивает, и я не выдерживаю:

- Ах да, точно! – охаю наигранно, настолько меня воспаляет его реакция, - Когда это брак был помехой измене, да, Богдан? Ты ведь об этом как никто другой знаешь!

- Не паясничай, Снежана.

- А что еще мне делать, когда мой бывший муж пытается меня в измене уличить, когда у самого рыльце в пушку!

Исаев срывается с места так быстро, что от испуга я на автомате подаюсь назад и вжимаюсь спиной в стену. Кулак Богдана прилетает рядом с моей головой, впечатывается в поверхность, и он рывкает, нависая надо мной грозовой ту-

чей:

- Ты спала с ним?! Макса ты в его честь назвала??

Я втягиваю голову в плечи. Впервые вижу Исаева настолько взбешенным.

- Ты точно сбрендил! Мне понравилось это имя, и я назвала так сына! Здесь нет никакого подтекста, я просто искала в интернете красивые имена и нашла подходящее!

Богдан тяжело дышит, его ноздри раздуваются от гнева, он вглядывается внимательно в мое лицо.

- Он звонил сегодня, - его тон суровый, ледяной, - выясшивал о тебе, спросил, почему разводимся. С кем останутся дети... ты его надоумила?

Сердце толкается в ребра, но внешне я никак не выдаю своего волнения.

- Не понимаю, о чем ты. Мы встретились на улице, просто поговорили. Естественно, он спросил, как мы, может ли он заскочить в гости. Я просто ответила честно, что мы разводимся. Казимир рядом стоял, он может подтвердить, что ничего лишнего я не говорила.

Исаев не сводит с меня глаз, как будто каждую малейшую эмоцию ловит. Да что происходит? Он меня в жизни никогда так не ревновал, а сейчас... нет, не может быть. Просто зол, что кто-то может помочь мне его планы разрушить, никакая это не ревность.

- Если вы не спали, какого черта он за тебя вступается?

- В каком это смысле?

- Встретиться хочет. Говорит, с бракоразводным процессом поможет, - склонив голову набок, вкрадчиво произносит Богдан.

В груди теплеет от восторга радости. Так значит моя уловка сработала!

- Я предупреждал. – Сухо, - Даже не пытайся привлекать посторонних людей, Снежана. Завтра сюда приедет юрист, подпиши все, что он тебе даст, и все закончится.

- Ничего я не подпишу! – выпаливаю я с неизвестно откуда взявшейся смелостью, пихаю Богдана в грудь, заставляя отойти, - Сначала сделай тест ДНК, потом поговорим!

Исаев выгибает бровь и оглядывает меня с явным скепсисом.

- Ты это серьезно? Думаешь несколько дней что-то решат? Знаю, что не решат. И так очевидно, что покажет тест ДНК, я буквально каждый день вижу две крошечных копии Богдана, но... мне нужно время. Нужно выиграть хоть немного, продумать стратегию, попытаться связаться с Максом, уговорить его мне помочь. Знаю, что юрист он первоклассный. Я все свои сбережения отдам, буду работать день и ночь, чтобы с ним расплатиться, лишь бы он только помог выиграть дело и не отдавать моих крошек.

Не могу я вот так запросто взять и подмахнуть бумагу, по которой я добровольно соглашаюсь оставить детей с мужем! Ни насовсем, ни на полгода, ни на день. Для меня это просто немыслимо, я даже представить не могу, что буду про-

сыпаться утром, а рядом не будет моих малышей. Никакие слова Богдана о том, что он позволит мне жить с детьми и воспитывать их, не успокоят меня и не заставят смириться. Никакой нет гарантии, что в какой-то момент он не решит, что дети стали достаточно взрослыми и я теперь лишняя в его доме. И тогда он выставит меня, а я даже по закону ничего не могу сделать.

- Может быть, - отвечаю туманно.

- Не знаю, что за игру ты затеяла, - тянет Богдан угрожающе, - но еще раз отнять своих детей я не позволю. Попытаешься что-нибудь выкинуть, увезти их, спрятать... я ведь найду, Снежана. И тогда...

- Я знаю! – срываюсь я. Не могу больше слышать этих угроз, не могу больше думать, что у меня отнимут моих крошек – мою жизнь! – навсегда. Я просто этого не вынесу. – Я ничего не сделаю. Единственное... я хочу получить это соглашение, прочитать его и обсудить со своим юристом.

- Своим юристом? – переспрашивает Исаев и на его скулах снова появляются желваки, - Дай угадаю, это Макс Акерман?

- Не твое дело, кого я решу нанять, - отрезаю холодно.

Всего одно предложение, но кажется, что еще немного и пол подо мной загорится от того, как Богдан испепеляет меня глазами.

- Можешь обговорить детали с моим. Это первоклассный специалист.

- Не сомневаюсь. Поэтому он и работает на тебя. Мне ну-

жен тот, кто защитит мои интересы.

Исаев ухмыляется. Нехорошо так.

- Как интересно... Твоих интересов в этом деле быть не может. Тебе придется принять мои условия.

Он отталкивается от противоположной стены и направляется к выходу.

- Они мои дети! Богдан!

- Я все сказал.

Я теряю самообладание, дергаюсь следом. Знаю, не стоит показывать, в каком я отчаянии, может быть Исаеву вообще нравится вот так меня мучить, но сил сдержаться просто нет.

- Богдан! – восклицаю я, - Ты что, просто возьмешь и лишишь своих детей матери?

Исаев застывает на месте, взявшись за ручку двери, медлит.

- Ты сам рос без отца, тогда почему своих детей ты хочешь обречь на еще более худшую участь? Что, если бы ты сам лишился своей матери? Ты готов настолько сильно ранить наших детей просто из-за того, что ненавидишь меня?? – голос высокий и дрожит от подступающих слез.

Богдан не отвечает, просто молча выходит из квартиры. Входная дверь хлопает, будто ставит точку в нашем разговоре. Пошатнувшись, я приваливаюсь к стене плечом, не в силах выстоять на ногах. Неужели Исаев и правда настолько сильно меня ненавидит? Не может простить за то, что скрыла детей? Но, что еще хуже – как мне воевать за них, когда

я буквально одна против человека, в руках которого столько денег и власти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.